

eISSN 2311-2468
Том 6, № 2. 2018
Vol. 6, no. 2. 2018

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

БЛЕДИТЕ М. Р.

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы соотношения международного и внутригосударственного права через призму взаимоотношений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека. Автор уделяет особое внимание Постановлению Конституционного суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П, ознаменовавшему начало нового этапа развития юридической практики в вопросах соотношения как внутригосударственного и межгосударственного правосудия, так и международного и внутригосударственного права в целом.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, Европейский суд по правам человека, Конституция Российской Федерации, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, коллизия, международное право, внутригосударственное право.

BLEDITE M. R.

**ON SOME ASPECTS OF CORRELATION BETWEEN INTERNATIONAL
AND DOMESTIC LAW: A STUDY OF RELATIONS BETWEEN
THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS**

Abstract. This article deals with some problematic issues of correlation between the international and domestic law, considering relations between the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights. The author pays special attention to the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2015, No. 21-P, which started a new stage in the development of legal practice on the issues of correlation between the domestic and interstate justice as well as the international and national law in general.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, European Court of Human Rights, Constitution of the Russian Federation, Convention on Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, collision, international law, domestic law.

История непростых взаимоотношений Конституционного Суда Российской Федерации (далее также – КС РФ) и Европейского суда по правам человека (далее также – ЕСПЧ) берет начало с 30 марта 1998 года, когда Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о

защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (далее – Конвенция, Европейская Конвенция, ЕКПЧ) [1], признав для себя *ipso facto* и без специального соглашения обязательность юрисдикции ЕСПЧ по вопросам, касающимся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней [2], и обязавшись исполнять его решения.

Впоследствии между Конституционным Судом РФ и ЕСПЧ возникли непримиримые разногласия, достигшие апогея в 2015 г., когда группа депутатов Государственной Думы обратилась в Конституционный Суд РФ с заявлением о проведении проверки конституционности отдельных положений Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», Гражданского процессуального, Арбитражного процессуального, Уголовно-процессуального кодексов и Кодекса административного судопроизводства РФ, Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации». В частности, согласно отдельным оспариваемым положениям решения ЕСПЧ являются основанием для пересмотра вступивших в силу судебных решений.

Депутаты сочли оспариваемые нормы не соответствующими Конституции Российской Федерации, поскольку «оспоренные нормы обязывают суды и иные государственные органы безусловно выполнять решение ЕСПЧ даже вопреки российскому Основному Закону. В результате, как считают депутаты Госдумы, правоприменитель поставлен в безвыходную ситуацию, поскольку такая коллизия может оказаться неразрешимой» [3].

В качестве примера подобных неразрешимых коллизий можно назвать следующие дела из практики ЕСПЧ: «дело ЮКОСа» (по результатам его рассмотрения акционерам нефтяной компании должны выплатить около 2 млрд. евро в качестве компенсации за незаконное взыскание с них штрафов, но так и не выплатили) [4], дело К. Маркина (военнослужащего, которому отказали в предоставлении отпуска по уходу за ребенком из-за того, что он мужчина) [5], дело «Анчугов и Гладков против России» (заявители жаловались на то, что они, как содержащиеся под стражей осужденные заключенные, были лишены возможности участвовать в выборах) [6]. Указанные дела стали основой для будущих противоречий, поскольку ставили правоприменителя перед выбором между необходимостью следовать Конституции РФ, с одной стороны, и обязательствам, вытекающим из Конвенции о защите прав человека и основных свобод, с другой. В этой связи и возник вопрос о том, какие же нормы должны иметь приоритетное значение. Конституционный Суд Российской Федерации в этой связи высказал следующие суждения.

14 июля 2015 г. Конституционный Суд РФ, рассмотрев дело о проверке конституционности отдельных федеральных законов, касающихся реализации решений

ЕСПЧ, вынес Постановление № 21-П (далее – Постановление № 21-П) [7], ставшее впоследствии предметом широкого обсуждения и общественной дискуссии. В данном Постановлении КС РФ отметил, что участие Российской Федерации в международном договоре не означает отказа от государственного суверенитета, а также, что Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ не могут отменять приоритет Конституции. Исходя из этого Конституционным Судом было сформулировано правило, согласно которому, если КС РФ придет к выводу, что ЕСПЧ дано толкование ЕКПЧ, противоречащее Конституции РФ, то решение ЕСПЧ не подлежит исполнению.

Тем самым Конституционный Суд РФ в своем Постановлении № 21-П, по сути, наделил себя властными полномочиями по рассмотрению вопроса о конституционности либо неконституционности постановлений Европейского Суда по правам человека [8].

Выводы Суда поставили точку в многолетнем споре о характере конституционного верховенства в российской правовой системе в контексте применения норм международного права. Конституция РФ обладает прямым приоритетом перед всеми подлежащими реализации в России актами – и внутригосударственными, и международно-правовыми [9].

С одной стороны, данное Постановление № 21-П можно трактовать как стремление предотвратить в будущем возникновение таких правовых коллизий, которые могут повлечь за собой необходимость внесения в российское законодательство на основании постановлений ЕСПЧ изменений, способных повлечь нарушение положений Конституции РФ.

С другой стороны, среди полномочий Конституционного Суда РФ, закрепленных в ст. 125 Конституции РФ [10], нет такого полномочия, как проверка конституционности либо неконституционности решений ЕСПЧ. Возможность по проверке конституционности решений ЕСПЧ противоречит положениям ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., носящей характер *jus cogens*, согласно которой «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда, по делам, в которых они являются сторонами» [11].

КС РФ в своем Постановлении № 21-П дал понять, что не подлежит сомнению высшая юридическая сила Конституции РФ в рамках российской правовой системы, частью которой в силу ч. 4 ст. 15 Конституции является ЕКПЧ. «В то же время, при разрешении подобных конфликтов необходимо не стремиться к самоизоляции, а исходить из необходимости диалога и конструктивного взаимодействия. Только таким путем могут быть построены по-настоящему гармоничные отношения между правовыми системами Европы, основой которых будет не подчинение, а взаимное уважение» [3].

В подтверждение тезиса о высшей юридической силе Конституции РФ, Конституционный Суд РФ предусмотрел возможность законодательного закрепления механизмов обеспечения верховенства Конституции. Федеральным конституционным законом от 14.12.2015 г. № 7-ФКЗ раздел третий Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [12] был дополнен главой XIII.1 «Рассмотрение дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека». В данной главе подробно описана процедура рассмотрения запросов «о разрешении вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека». При этом подобный запрос может подавать лишь «федеральный орган исполнительной власти, наделенный компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов РФ при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации ...» (ст. 104.1). По итогам рассмотрения дела Конституционный Суд Российской Федерации принимает одно из следующих постановлений: о возможности / невозможности исполнения в целом или в части в соответствии с Конституцией Российской Федерации решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, принятого на основании положений международного договора Российской Федерации в их истолковании межгосударственным органом по защите прав и свобод человека, в связи с которым был подан запрос в Конституционный Суд Российской Федерации (ст. 104.4). Положения нововведенной главы распространяются не только на решения ЕСПЧ, но и на решения любых других межгосударственных органов по защите прав и свобод человека.

Столь радикальные меры со стороны КС РФ нельзя назвать эффективными, поскольку это противоречит сложившейся практике прошлых лет и ставит под удар выстраиваемую на протяжении долгих лет Российской Федерацией дуалистическую модель соотношения международного и внутригосударственного права. Также не до конца ясным представляется механизм реализации решений ЕСПЧ. Поскольку за гражданами Российской Федерации по-прежнему сохраняется право подавать жалобы в ЕСПЧ, а сложившаяся на сегодняшний день ситуация, при которой решения Страсбургского суда могут не исполняться вопреки принятым Россией на себя международным обязательствам, весьма актуальным является поиск новых путей взаимодействия КС РФ и ЕСПЧ.

Тем не менее, уже есть первые Постановления Конституционного Суда РФ, вынесенные в рамках такой процедуры.

19 апреля 2016 г. Конституционный Суд РФ признал невозможным исполнение постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» как в части общих мер,

предполагающих внесение в российскую правовую систему изменений, которые позволяли бы ограничивать в избирательных правах не всех осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, так и мер индивидуального характера в отношении граждан Анчугова и Гладкова, осужденных за совершение особо тяжких преступлений [13].

Еще одно важное Постановление Конституционный Суд РФ провозгласил 19 января 2017 г. В нем он счел невозможным исполнение постановления Европейского суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО» «Нефтяная компания ЮКОС», однако не исключил меры по защите интересов акционеров, пострадавших от неправомерных действий менеджмента компании [14].

Таким образом, на данном этапе взаимодействие КС РФ и ЕСПЧ находится в сложном состоянии, но, как отметил Председатель КС РФ В. Д. Зорькин, «Конституционный суд РФ занимается не тем, как не исполнить решения Европейского суда по правам человека, а поиском путей исполнения», а также попросил строить между российским и европейским судами не «стену», а «мост с двусторонним движением» [15].

В рамках дуалистической модели соотношения международного и внутригосударственного права, в соответствии с которой международное и внутригосударственное право – равнопорядковые системы, и ни одна из них не имеет приоритета над другой, ЕСПЧ должен понимать, что он не может ставить государство в такую сложную ситуацию, когда тому предлагается выбрать, что «лучше» нарушить – ЕСПЧ или собственную Конституцию [16].

На это и должен быть направлен диалог и взаимодействие судов, важность которого совершенно справедливо отмечается в Постановлении № 21-П. В противном случае ЕСПЧ может разделить судьбу своего коллеги – Межамериканского суда по правам человека, который выносит прогрессивные и пронизанные высокими гуманитарными идеалами решения, подчас прямо в решении признавая недействительными важнейшие для государства законы (законы об амнистии, обеспечившие во многих латиноамериканских странах мирный переход от диктатур к демократии, например) или даже положения конституций. Однако недостаточная гибкость приводит к удручающему результату: по статистике полностью исполнено государствами только около 10% решений [17].

В связи с тем, что происходит регулярное столкновение норм Конституции Российской Федерации и норм международных договоров в процессе их официального толкования и применения, мы согласимся с мнением конституционалиста И. А. Кравец о необходимости создания юридически безупречного и конституционно регламентированного механизма разрешения коллизий как на уровне федерального парламента в ходе процедуры ратификации международных договоров, так и на уровне федерального органа конституционного

правосудия в ходе осуществления судопроизводства по проверке конституционности международных договоров [18].

К механизмам разрешения коллизий между решениями КС РФ и ЕСПЧ можно также отнести: пересмотр решения Конституционным Судом; введение процедуры ответственности судей за принятие решения, которое противоречит нормам международного права; отказ Российской Федерации от соответствующих международно-правовых договоров.

Резюмируя вышесказанное, хотелось бы отметить, что принятие Конституционным судом Постановления № 21-П ознаменовало начало нового этапа развития правоприменительной практики в вопросах соотношения как внутригосударственного и межгосударственного правосудия, так и соотношения международного и внутригосударственного права в целом. Позиция Конституционного Суда РФ ориентирована на защиту внутригосударственного правопорядка и основ конституционного строя от необоснованного международного вмешательства. Совершенно очевидно, что гармонизация российского и международного права должна сопровождаться поиском компромисса и взаимным уважением. Залогом верховенства Конституции РФ будет уважение Конвенции о защите прав человека и основных свобод и других международных обязательств, а залогом добросовестного выполнения Россией ее международных обязательств станет уважение Конституции РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ, ст. 1 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3244>.
4. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «ОАО «Нефтяная компания Юкос» (ОАО «Neftyanaya kompaniya Yukos») против Российской Федерации» от 31 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» от 22 марта 2012 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» от 4 июля 2013 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Осипов М. Ю. О некоторых проблемах разрешения коллизий между конституцией РФ и решениями Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права 2016. – № 2(63). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-razresheniya-kolliziy-mezhdu-konstitutsiey-rf-i-resheniyami-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka>.
9. Лихачев М. А. Место решений Европейского суда по правам человека в контексте постановлений Конституционного Суда РФ 2013 и 2015 гг. и последующих законодательных изменений // Российский юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 46–58.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
11. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 28.12.2016 г.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам

- человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчуглов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 г. № 1-П [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 15. Сообщения и материалы информационного агентства «РБК» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/58469fdf9a79473ef523eece>.
 16. Кожеуров Я. С. Споры о соотношении Конституции России и Европейской конвенции о защите прав человека: можно ли избежать цугцванга? // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 2. – С. 49–54.
 17. Cavallaro J., Erin Brewer S. Reevaluating Regional Human Rights Litigation in the Twenty-First Century: The Case of the Inter-American Court // American Journal of International Law. – 2008. – Vol. 102. – pp. 785–786.
 18. Кравец И. А. Право конституции в действии: соотношение законодательной и судебной конституционализации правопорядка, обеспечения международных обязательств, прав и свобод // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 12. – С. 12–15.

КОПТЕВА К. В.

ВРЕМЕННЫЕ РАМКИ ДЕЙСТВИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности вступления в силу нормативно-правовых актов в Российской Федерации, а также утраты ими юридической силы. Раскрываются понятия обратной силы (ретроактивности) и переживания (ультраактивности) закона.

Ключевые слова: нормативно-правовой акт, временные рамки, вступление в силу, утрата юридической силы, обратная сила, переживание закона.

KOPTEVA K. V.

TIME FRAMES OF LEGAL ACTS IN RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article considers the peculiarities of entry into legal force and loss of legal force of Russian legal acts. The study focuses on the concepts of reverse power (retroactivity) and experience (ultraactivity) of the legal act.

Keywords: legal act, time frame, entry into legal force, loss of legal force, reverse force, experience of law.

Законодательство не стоит на месте, каждый день принимаются новые нормативно-правовые акты, а существующие изменяются или утрачивают юридическую силу. Для правильного применения правовой нормы необходимо точно знать, действовала ли она в момент нарушения прав или возникновения спорных отношений.

Введение нормативно-правового акта в действие – сложный, многоступенчатый процесс. В юридической науке принято говорить о временных рамках действия нормативно-правового акта. Под началом действия, функционирования нормативно-правового акта, понимают признание за ним конкретного момента времени определенной юридической силы, т.е. четкого места в системной иерархии актов национального законодательства [1, с. 31].

Перед тем, как нормативно-правовой акт вступит в силу, он проходит несколько обязательных этапов. Прежде всего следует сказать о положении, закрепленном в ч. 3 ст. 15 действующей Конституции РФ о том, что все законы Российской Федерации, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы (обнародованы) для всеобщего сведения [2].

Обязательными условиями вступления в силу нормативно-правовых актов являются:

- 1) их обязательное официальное опубликование, кроме актов или отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения

конфиденциального характера; 2) обязательная государственная регистрация нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающих правовой статус организаций или имеющих межведомственный характер [3].

Под официальным опубликованием принято понимать помещение полного текста документа в специальных изданиях, признанных официальными действующим законодательством.

Известно, что федеральные конституционные законы, федеральные законы подлежат официальному опубликованию в течение семи дней после дня их подписания Президентом РФ. Официальным опубликованием считается первая публикация их полного текста в «Парламентской газете», «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» или первое размещение (опубликование) на «Официальном интернет-портале правовой информации – <http://www.pravo.gov.ru> [4]. Акты Президента РФ и акты Правительства РФ в течение десяти дней после дня их подписания подлежат официальному опубликованию в тех же источниках (п.2). Нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти в течение десяти дней после дня их государственной регистрации подлежат официальному опубликованию в «Российской газете» или «Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти» (п. 9).

В юридической науке принято выделять несколько основных вариантов введения нормативных правовых актов в действие.

Во-первых, с конкретной даты, указанной в самом нормативно-правовом акте или специальном акте о введении его в действие. Примером может послужить Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5]. В ст. 231 данного закона установлен момент вступления его в силу, а именно по истечении тридцати дней со дня его официального опубликования, кроме некоторых пунктов, для которых установлен иной порядок.

Во-вторых, в общем порядке. Такой порядок вступления в силу нормативно-правовых актов регламентирован в Федеральном законе от 14.06.1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания», а также в Указе Президента РФ от 23.05.1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти».

Известно, что Федеральные конституционные законы, Федеральные законы, акты палат Федерального Собрания вступают в силу одновременно на всей территории РФ по истечении

десяти дней после дня их официального опубликования. Примером является Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [6] в действующей на данный момент редакции. Известно, что изменения, внесенные Федеральным законом от 28.11.2015 г. № 354-ФЗ, в данный закон, вступили в силу по истечении десяти дней после дня официального опубликования на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 28.11.2015 г.

Акты Президента РФ, имеющие нормативный характер, вступают в силу по истечении семи дней после дня их первого официального опубликования.

Иные акты Президента РФ, в том числе акты, содержащие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, вступают в силу со дня их подписания (Указ Президента от 02.01.2016 г. № 2 РФ «О внесении изменения в Положение о порядке прохождения военной службы, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16.09.1999 г. № 1237» [7]. Данный указ вступил в силу со дня его подписания, а именно 02.01.2016 г.).

Акты Правительства РФ, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, либо устанавливающие правовой статус федеральных органов исполнительной власти, вступают в силу по истечении семи дней после дня их первого официального опубликования (например, Постановление Правительства РФ от 05.04.2016 г. № 272 «О внесении изменений в Правила осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [8], вступил в силу 15.04.2016 г. по истечении семи дней со дня его официального опубликования на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 07.04.2016 г.). Иные акты Правительства РФ, в том числе акты, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, вступают в силу со дня их подписания.

В п. 12 Указа Президента РФ от 23.05.1996 г. № 763 точно прописан порядок вступления в силу нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти РФ. В соответствии с ним они вступают в силу по истечении десяти дней после дня их официального опубликования, но только при условии, если самими актами не установлен иной порядок вступления в силу. Примером может послужить Приказ Минобрнауки России от 12.01.2016 г. №7 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.03.02 Менеджмент (уровень бакалавриата)» [9]. Данный приказ вступил в силу 23.02.2016 г. по истечении десяти дней после официального опубликования – 12.02.2016 г. на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

Иной порядок вступления в силу предусмотрен для нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, содержащих сведения государственной тайны или сведения конфиденциального характера и не подлежащих в связи с этим официальному опубликованию, прошедшие государственную регистрацию в Министерстве юстиции Российской Федерации. Они вступают в силу со дня государственной регистрации и с момента присвоения им номера, так Указ Президента РФ № 763 четко устанавливает, что нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти, не прошедшие государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий.

Говоря об общем порядке вступления в силу нормативно-правовых актов, следует заметить, что в настоящее время прослеживается тенденция сокращения сроков между официальным размещением правового акта и вступлением его в силу [10]. Так Федеральный закон от 29.06.2013г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного Кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [11] был принят Государственной Думой 11.06.2013 г., одобрен Советом Федерации 26.06.2013г., подписан Президентом РФ 29.06.2013 г., 30.06.2013г. размещен на Официальном интернет-портале правовой информации. Вступил в силу данный закон с 01.07.2013г., то есть на следующий день после своего официального опубликования. Исходя из того, что официальное опубликование – это важный элемент вступления в силу нормативно-правовых актов, то без доведения до заинтересованных лиц содержания самого акта невозможно требовать от них выполнения его предписаний. На практике к такому порядку вступления нормативно-правового акта в силу относятся крайне критически, с чем нельзя не согласиться. Немедленное введение в действие закона, не позволяет своевременно ознакомиться с его положениями не только гражданам, но и работникам правоохранительных органов, что влечет за собой ухудшение правоприменения.

В-третьих, нормативно-правовые акты, могут вступать в силу с момента своего официального опубликования. Так, Указ Президента Российской Федерации от 05.04.2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» [12] вступил в силу со дня его официального опубликования, а именно 5 апреля 2016г.

В-четвертых, нормативно-правовые акты могут вступать в силу с момента принятия. Здесь следует оговориться, Федеральный конституционный закон считается принятым со дня его одобрения палатами Федерального Собрания в порядке, установленном Конституцией РФ, а именно если он одобрен большинством не менее трех четвертей голосов от общего числа

членов Совета Федерации и не менее двух третей голосов от общего числа депутатов Государственной Думы. Тогда как датой принятия Федерального закона, считается день его принятия Государственной Думой в последней редакции.

В-пятых, вступает в силу с возникновения определенных обстоятельств, чаще всего это война, либо ввод чрезвычайного положения на территории всей страны или отдельного субъекта (субъектов). Например, по обстоятельствам, связанным с аномально высокой температурой воздуха в ряде субъектов Российской Федерации в 2010 году, сложилась чрезвычайная ситуация, связанная с обеспечением пожарной безопасности. Д. А. Медведевым был подписан Указ Президента РФ от 02.08.2010 г. № 966 «Об объявлении чрезвычайной ситуации, связанной с обеспечением пожарной безопасности» [13].

В Советском Союзе нормативно-правовой акт вступал в силу с момента доведения его до адресата. Данный способ не практичен и в настоящее время не практикуется.

Следует отметить, что действие нормативно-правового акта во времени связано еще с такими понятиями, как обратная сила и переживание закона. «Обратной силой (ретроактивностью) закона принято считать распространение действия нормативно-правового акта на те факты и порожденные им правовые последствия, которые возникли до вступления его в юридическую силу» [14, с. 228]. В юридической науке существует общее правило: закон обратной силы не имеет. Однако в данном правиле существуют исключения. Обратная сила закона допускается, в случае:

1. Если нормативно-правовой акт смягчает или отменяет юридическую ответственность за совершение противоправного деяния. Так в ст. 10 Уголовного кодекса РФ закреплено: «Уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет» [15].

2. Если в самом нормативно-правовом акте имеется прямое указание на это законодателем.

В юридической практике встречаются случаи, когда утративший юридическую силу нормативно-правовой акт в целом не применяется, однако отдельные его положения могут применяться к правоотношениям, возникшим и не прекратившимся на момент его отмены (так называемый процесс «переживания» старого нормативного акта). «Переживание закона (ультраактивность) – это продолжение действия норм закона после его отмены» [16, с. 338].

В большинстве случаев, ультраактивное действие отдельных норм и положений утратившего силу закона устанавливается нормами нового закона, призванного заменить его.

Прекращение действия нормативного правового акта является результатом признания того, что цель правового регулирования полностью достигнута, либо в ходе действия данного акта складываются противоречивые ситуации, требующие их немедленного разрешения.

Нормативно-правовые акты утрачивают юридическую силу в результате различных обстоятельств. Если акт был издан на определенный срок, он перестает действовать по истечении этого срока. Такого рода акты с указанием сроков действия издаются, например, при введении чрезвычайного положения на определенной территории и на определенный срок, при создании временных государственных органов.

Чаще всего нормативно-правовой акт прекращает свое действие путем прямой отмены или другими словами формально-юридическое прекращение действия, т.е. принятие нового акта, изданным компетентным государственным органом. Признается утрата юридической силы старого акта. Вновь принятый нормативный акт, как правило, распространяет свое действие на те общественные отношения, которые возникли после его принятия. Так в Федеральном законе от 13.06.1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» [17] прописывается признать утратившим силу с 1 января 1997 г. УК РСФСР, принятый в 1960 г. со всеми последующими изменениями.

Можно назвать и такие ситуации, когда нормативно-правовой акт фактически теряет юридическую силу, вследствие издания нового акта, устанавливающего другой порядок правового регулирования (косвенная отмена). Следует признать, что этот вариант прекращения действия нормативного акта менее желателен, так как зачастую порождает противоречивую правоприменительную практику, возникновение пробелов и коллизий правовых норм. Например, с принятием и вступлением в силу Федерального закона от 15.07.1995 г. №101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [18], ст. 30 которого определяет порядок официального опубликования международных договоров РФ, фактически утратил силу Указ Президента РФ от 11.01.1993 г. №11 «О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации» [19].

Примером также может послужить фактическая отмена Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), принятой 12 апреля 1978 года Верховным Советом РСФСР [20], вследствие принятия новой Конституции Российской Федерации 1993 года, вступившей в силу со дня официального ее опубликования по результатам всенародного голосования, а именно 25 декабря 1993 года.

Также нормативно-правовой акт прекращает свое действие в связи с несоответствием характера регулируемых отношений, если он устарел или фактически не используется, а также признан противоправным (антиконституционным) по решению суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крижус И. К. Введение в действие нормативно-правовых актов // Правовые проблемы укрепления Российской государственности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 31–33.
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
3. О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 22. – Ст. 2663.
4. О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания: Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 8. – Ст. 801.
5. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
6. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Собр. законодательства РФ. – 1995. – № 4. – Ст. 4472.
7. О внесении изменения в Положение о порядке прохождения военной службы, утв. Указом Президента Рос. Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237: Указ Президента РФ от 02.01.2016 № 2 // Собр. законодательства РФ. – 2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 16.
8. О внесении изменений в Правила осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 05.04.2016 № 272 // Офиц. интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. – 07.04.2016.
9. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.03.02 Менеджмент (уровень бакалавриата): Приказ Минобрнауки России от 12.01.2016 № 7 // Офиц. интернет-портал правовой информации. www.pravo.gov.ru. – 12.02.2016.
10. Червяковский А. В. Демократизация правотворчества и проблемы официального опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 504–507.

11. О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2013. – № 26. – Ст. 3209.
12. О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 156 // Офиц. интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. – 05.04.2016.
13. Об объявлении чрезвычайной ситуации, связанной с обеспечением пожарной безопасности: Указ Президента РФ от 02.08.2010 г. № 966 // Собр. законодательства РФ. – 2010. – № 32. – Ст. 4299.
14. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. – М.: Юрист, 2014. – 384 с.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации. Принят 13 июня 1996 г. (по состоянию на 10.04.2016) [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
16. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. – М.: Юрист, 2010. – 592 с.
17. О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2955.
18. О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15.07.95 г. №101-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.
19. О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации: Указ Президента РФ от 11 января 1993 г. № 11 // Собр. актов Президента и Правительства РФ. – 1993 г. – № 3. – Ст. 182.
20. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // Ведомости ВС РСФСР. – 1978.

АНТОНОВА К. О.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Аннотация. Статья посвящена истории возникновения и развития юридических терминов в России. Рассмотрены факторы, влияющие на их формирование. Проанализированы тенденции использования юридической терминологии в правовой сфере. Выявлены критерии идеального юридического термина.

Ключевые слова: терминология, юридический термин, Соборное уложение, Киевская Русь, идеальный термин, требования к юридическим терминам.

ANTONOVA K. O.

LEGAL TERMS: YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW

Abstract. The article deals with the history and development of Russian legal terms. The factors of their formation are considered. The trends in the use of legal terminology in the legal sphere are analyzed as well as the ideal legal term criteria.

Keywords: terminology, legal term, Sobornoe ulozhenie, Kievan Rus', ideal term, requirements for legal terms.

На протяжении многих тысячелетий язык остается незаменимым инструментом для общения людей. С развитием человечества развивается и совершенствуется язык. Слова, имеющие один четко ограниченный смысл, образуют собой термины, а их совокупность – терминологию языка. «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает следующее определение термина: «термин – название определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства» [1, с. 836].

Терминология существует в любой отрасли, в том числе и в юриспруденции. Без нее невозможно было бы добиться четкого изложения законодательной мысли. Согласно Н. Н. Ивакиной, юридический термин – это «слово или словосочетание, имеющее юридическое значение, выражающее правовое понятие, применяемое в процессе познания и освоения явлений действительности с точки зрения права» [2, с. 139].

В России формирование юридической терминологии началось в XVII в. Оно происходило под давлением соперничества и взаимодействия различных стилевых систем. Основное влияние оказал московский приказный язык, из которого впоследствии сформировались нормы официально-делового стиля, одной из подсистем которого и является язык права.

На формирование российских юридических терминов повлияли как внешние, так и внутренние факторы.

Внешние факторы были обусловлены общественно-политическим развитием страны и развитием правовой системы. Ученые называют их «экстралингвистическими». К ним относится развитие всей общественно-политической жизни страны и непосредственно правовой системы Московской Руси. Местом зарождения отечественного права принято считать Киевскую Русь, после чего оно продолжает развиваться в московскую эпоху. В связи с объединением русских земель и укреплением власти монарха законодательство требовало обновления. В XV-XVI вв. был создан ряд Судебников. Они обобщали основные законы организации общества и государства.

Одним из главных кодексов, который по сути являлся универсальным, стало Соборное уложение, принятое Земским собором в 1649 году. Оно содержало принципы государственного управления, статус главы государства, систематизировало преступления и наказания по категориям. Соборное уложение принято считать первым печатным памятником русского права. Оно было предназначено для государственной деятельности прежде всего государства и создавалось на основе предшествующих юридических актов.

Уложение закрепило в себе принципы построения языкового материала, которые были использованы в Русской Правде, Судных грамотах и Судебниках. Однако, оно явилось большим по объему, нежели предыдущие акты. В нем закреплялись вопросы гражданского (политического, имущественного, финансового), военного, уголовного и процессуального права. Одной из основ Судебника стала юридическая практика XV-XVII вв., а также деятельность Приказов. Большинство терминов в Уложении были созданы на основе общеславянских или древнерусских слов. Это свидетельствует о том, что развитие российской юридической терминологии в XVII в. находилось на стадии формирования. Ее истоки восходят к киевской эпохе. Однако, именно московский период развития терминов принято считать важным этапом их становления, так как термины данного периода нашли свое место и в современной российской юридической терминологии: суд, допрос, жалоба, иск, истец, очная ставка, пошлина, понятой, порука, приговор, розыск, улика, свидетель и др. [3, с. 215].

В лексическом составе Уложения и других юридических актов принято выделять тематические группы:

1. непосредственно термины, т.е. слова, которые находят свое место только в юридической сфере (например, «суд», «иск», «истец», «приговор», «понятой», «ответчик»);
2. термины, составляющие деловую лексику, которая характерна для многих отраслей. К таковым относятся «бесчестие», «челобитная», «бирич»;
3. термины, употребляемые в контексте данного акта, но сохраняющие свое значение и в других речевых сферах (например, «ударить», «зашибить», «окровавить»).

Именно Соборное уложение 1649 года, а также новоуказные статьи второй половины XVII в. стали основой российской юридической терминологии, которые сформировали базовый юридический лексикон и нормативно-правовые конструкции, до сих пор используемые в отечественном законодательстве.

Для данного этапа развития юридической терминологии были характерны полиномия, т.е. использование лексических средств для обозначения понятия (обозначение присяги: «рота», «вера», «крестное целование»), недифференцированность значений терминов (виды преступлений: «разбой», «грабеж», «воровство», «лихое дело»), использование антонимов («обвинить» – «оправдать», «доброе дело» – «лихое дело»).

Терминов, сохранившихся с эпохи Киевской Руси, осталось немного. В основном это процессуальные термины, т.е. термины сыска, судебного процесса и делопроизводства, судебной документации. К ним относятся термины «суд», «судья», «разбой», «истец», «искать», а также термины уголовного права, т.е. названия преступлений, правонарушителей, наказаний. Например, «обида», «разбой», «убийство», «татьба», «вор», «бесчестие». Небольшую группу составляют термины гражданского права. В их числе «вина», «земля», «волость», «село», «жребий», «сбор», «пошлина», «черные люди». Широкое распространение получили старославянские слова, такие как «крест», «мятеж», «вера», «заповедь» и др. В процессе развития юридической терминологии часть слов сохранила свое первичное значение, другие же были преобразованы.

К внутренним причинам формирования юридической терминологии, или как по-другому их называли ученые – «лингвистическим», относят отсутствие лексических средств, необходимых для номинирования нормативно-правовой терминологии.

Впервые о терминологии как о предмете лингвистического исследования заговорили в 30-е годы XX века. Инициатором развития новой области языкознания стал советский лингвист Е. Д. Поливанов. Именно тогда в России началась теоретическая и практическая разработка проблем терминологии. Достижения, связанные с результатами данной разработки, нашли свое отражение во всех языках мира. Известно, что именно в результате изменения, совершенствования и формирования языка, которое связано с развитием техники и науки, возникают термины и терминология. В то же время Д. Г. Лотте была выдвинута теория «идеального термина». Она сформулировала основные характеристики, которыми должен обладать термин. Таковыми стали однозначность, недопущение эмоциональной окраски, отсутствие синонимов [4, с. 80].

Говоря о современном юридическом языке России можно сказать, что он находится в постоянном развитии и совершенствовании. Юридический термин стремится быть идеальным термином, избегать полисемии. В связи с развитием национального языка России, учащаются

случаи использования иностранных слов. Однако часто встречается употребление иностранных терминов в местах, где они, казалось бы, не нужны, либо есть возможность их замены на русский термин. Например, в юридической терминологии достаточно часто употребляется термин «лизинг» [5, ст. 5394], который происходит от английского слова «lease», что в переводе означает «сдать в аренду». Однако у данного термина есть русский синоним – «финансовая аренда».

Следует отметить использование просторечной и жаргонной лексики в современном законодательстве. Их употребление вызывает недоумение у ученых. Примером может послужить одна из газетных статей, в которой А. В. Бондарев привел в качестве примера статью Уголовного кодекса Республики Беларусь. Здесь в ст. 235 употреблен термин «отмывание» («легализация»), т.к. слово «отмывание» перешло в закон из языка уголовного мира [6]. Мнение ученых по данному вопросу неоднозначно. Так, А. С. Пиголкин говорит: «... Хотелось бы решительно возразить против так называемого «правового жаргона», который иногда все же применяется в нормативных актах, судебных решениях, в нашей учебной и монографической литературе» [7, с. 189].

Подводя итог, можно сказать, что существует целый ряд требований к идеальному юридическому термину.

Во-первых, он должен быть однозначным. Соблюдение этого требования исключает случаи многозначности терминов. Из этого следует, что идеальный термин должен обозначать только одно понятие, которое закреплено в нормативном акте. Поэтому в процессе работы над изложением законодательных предписаний необходимо исключать синонимию и многозначность.

Во-вторых, он должен быть общепризнанным. Это говорит о том, что термин должен употребляться в обиходе и быть понятным для большого круга лиц.

В-третьих, юридический термин должен быть устойчивым.

В-четвертых, термин должен быть однозначным.

В-пятых, термин должен быть системным. Это предполагает его целостность и внутреннее единство. Так, например, если законодатель использует в законах об уголовных правонарушениях термины другой отрасли, то он должен сохранять его отраслевое значение.

В-шестых, термин должен быть точным. Это значит, что он должен быть ясным и четким. Для этого необходимо использовать термины в их прямом, буквальном смысле, избегая синонимичности, двойственности смысла, использования подтекста.

Отсутствие синонимов относят к еще одному требованию к терминам. Из этого следует, что необходимо максимально исключить взаимозаменяемость слов и словосочетаний. Однако,

вполне оправданы следующие типы синонимов: деньги – валюта, граждане – физические лица, недвижимое имущество – недвижимость.

Следующим требованием является современность термина. Это значит, что устаревшие термины вытесняются из употребления новыми, соответствующими различным преобразованиям в обществе: политическим, экономическим, социальным («подданство», «социалистическая республика»).

Следующим требованием является лингвистическая правильность, т.е. соответствие языковым нормам. Законодателю в данном случае необходимо придерживаться однотипности при образовании терминов.

Не менее важным требованием является инвариантность. Это значит, что законодатель не должен допускать разнобоя в написании терминов. Например, ведутся дискуссии относительно соотношения понятий «оперативно-розыскная деятельность» и «оперативно-разыскная деятельность» и их написания.

Таким образом, соблюдение данных требований в процессе правотворчества будет способствовать подготовке качественных нормативных актов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 2007. – 944 с.
2. Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2008. – 448 с.
3. Благова Н. Г. Становление русской юридической терминологии в начальный период формирования национального языка: дис ... д-ра юрид. наук. – Мурманск, 2001. – 375 с.
4. Цит. по: Ткачева Л. Б. Основные закономерности английской терминологии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 200 с.
5. О финансовой аренде (лизинге): Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1998. – № 44. – Ст. 5394.
6. Бондарев А. В. Язык закона – дело нешуточное // Рос. газета. – 1998. – 16 дек.
7. Пиголкин А. С. Язык закона. – М.: Юрид. лит., 1990. – 200 с.

КРЫСИНА Н. Р., ПОЛКОВНИКОВА М. А., КОНДРАТЬЕВА К. В.
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ УЧАСТИЕ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО
УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ЗАЩИТНИКА (АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ)

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу защитника, предусмотренные ч. 1 ст. 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Изучение опубликованной судебной практики (Верховного Суда Российской Федерации, Верховного суда Республики Мордовия, Нижегородского областного суда) позволило выявить и проанализировать актуальные аспекты правоприменительной практики по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, защитник, обстоятельства, уголовное дело, квалифицированная юридическая помощь.

KRYSINA N. R., POLKOVNIKOVA M. A., KONDRATEVA K. V.
CIRCUMSTANCES EXCLUDING PARTICIPATION
OF THE DEFENSE LAWYER IN CRIMINAL PROCEEDING:
CURRENT ISSUES OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Abstract. The article considers the circumstances excluding participation of the defense lawyer in criminal proceeding under Part 1 of Section 72 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The study of published court rulings (the Supreme Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Republic of Mordovia, the Nizhny Novgorod Regional Court) shows the topical aspects of law enforcement practice on the issue under consideration.

Keywords: criminal proceeding, defense lawyer, circumstances, criminal case, qualified legal aid.

В российском уголовном судопроизводстве защитник понимается как лицо, осуществляющее в установленном законом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 49 УПК РФ) [1]. Участие защитника является гарантией обеспечения права подозреваемого, обвиняемого на защиту, а также гарантией обеспечения права подозреваемого, обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции РФ [2, с. 72].

Уголовно-процессуальный закон, регулируя процессуальный статус защитника, устанавливает, в том числе, обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу защитника (ч. 1 ст. 72 УПК РФ). Данные обстоятельства характеризуются в

научной литературе как безусловное препятствие осуществлению определенным участником уголовного процесса своих процессуальных полномочий [3, с. 3]. В соответствии с законом защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если имеются предусмотренные ч. 1 ст. 72 УПК РФ обстоятельства, исключающие его участие в производстве по уголовному делу, и подлежит отводу. Значение данного уголовно-процессуального института обусловлено необходимостью обеспечения как права подозреваемого, обвиняемого на защиту, так и прав и свобод других лиц, а также интересов правосудия.

К первой группе обстоятельств, исключающих участие в производстве по уголовному делу защитника, относятся случаи, когда защитник ранее участвовал в производстве по данному уголовному делу в качестве судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, секретаря судебного заседания, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика или понятого (п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ). Таким образом, недопустимо выполнение защитником иной, кроме защиты, процессуальной функции по одному и тому же уголовному делу.

Ко второй группе обстоятельств, исключающих участие в производстве по уголовному делу защитника, относятся случаи, когда защитник является близким родственником или родственником судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, секретаря судебного заседания, принимавшего либо принимающего участие в производстве по данному уголовному делу, или лица, интересы которого противоречат интересам участника уголовного судопроизводства, заключившего с ним соглашение об осуществлении защиты (п. 2 ч. 1 ст. 72 УПК РФ). Таким образом, недопустимы родственные отношения защитника с определенными участниками уголовного процесса: с должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, так и с лицом, интересы которого противоречат интересам его подзащитного. Родственные отношения в данном случае могут создавать препятствия для объективного расследования и рассмотрения уголовного дела.

К третьей группе обстоятельств, исключающих участие в производстве по уголовному делу защитника, относятся случаи, когда защитник оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им подозреваемого, обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ). Таким образом, недопустим конфликт интересов подзащитного и иных доверителей защитника, которым он оказывает или ранее оказывал юридическую помощь.

Изучение судебной практики¹ показывает, что при производстве по уголовному делу наиболее часто нарушаются требования п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ (закрепляет третью группу обстоятельств), что расценивается как нарушение права обвиняемого пользоваться помощью защитника – существенное нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее отмену приговора (п. 2 ч. 1 ст. 389.15 УПК РФ). Анализ судебной практики позволяет выявить следующие актуальные аспекты применения п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ.

Противоречие (конфликт) интересов доверителей защитника имеет место, когда он оказывает юридическую помощь доверителям, осуществляющим противоположные процессуальные функции при производстве по уголовному делу (обвинения и защиты). В этом случае противоречие их процессуальных интересов по делу презюмируется. Так, защитник не может одновременно представлять интересы потерпевшего (участника стороны обвинения) и защиту обвиняемого (участника стороны защиты), т.к. они осуществляют противоположные процессуальные функции обвинения и защиты. Таким образом, закон исключает ситуации, когда защитник будет представлять интересы доверителей, являющихся потерпевшим, гражданским истцом, с одной стороны и подозреваемым, обвиняемым, гражданским ответчиком, с другой стороны. Президиум Нижегородского областного суда отменил постановленные в отношении С. приговор и апелляционное постановление, уголовное дело направил на новое судебное рассмотрение в связи с нарушением п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, выразившимся в следующем. При рассмотрении мировым судьей судебного участка № 4 Московского района г. Нижнего Новгорода уголовного дела в отношении подсудимой С., защиту ее интересов с 16.10.2016 г. осуществлял защитник – адвокат Б. Также с 16.10.2016 г. мировой судья допустил этого же адвоката Б в качестве представителя потерпевшей Ш. Данное нарушение закона в стадии апелляционного производства по данному уголовному делу не было выявлено. Отменяя постановленные в отношении С. приговор и апелляционное постановление, Президиум Нижегородского областного суда указал, что указанное нарушение уголовно-процессуального закона является существенным, повлиявшим на исход дела [4].

В случае, если защитник оказывает юридическую помощь подозреваемому, обвиняемому и «иным участникам уголовного судопроизводства», которые не имеют собственного процессуального интереса при производстве по уголовному делу, противоречие интересов доверителей защитника в такой ситуации должно быть установлено путем оценки содержания показаний доверителей, обстоятельств дела и т.д. Однако на

¹ Изучена опубликованная судебная практика Верховного Суда РФ, а также Верховного суда Республики Мордовия, Нижегородского областного суда.

практике нередко не выясняется, в чем конкретно состояло противоречие интересов доверителей адвоката, и суд расценивает как нарушение требований п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ случаи, когда, например, адвокат-защитник оказывает юридическую помощь подозреваемому, обвиняемому и «свидетелю обвинения» [5, с. 17-18]. В соответствии с уголовно-процессуальным законом свидетель не имеет собственного процессуального интереса при производстве по уголовному делу, который можно противопоставить процессуальным интересам подозреваемого, обвиняемого. Тот факт, что свидетель вызван в судебное разбирательство стороной обвинения, еще не свидетельствует о наличии противоречий между ним и подозреваемым, обвиняемым, противоречие интересов доверителей защитника в данном случае должно быть непосредственно установлено.

Противоречие (конфликт) интересов может присутствовать и у лиц, выполняющих одинаковую процессуальную функцию, например, конфликт интересов подозреваемых, обвиняемых. Одно и то же лицо не может быть защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого (ч. 6 ст. 49 УПК РФ). Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия отменила приговор Zubovo-Polyanskogo районного суда Республики Мордовия в отношении А. А.Н., Л. Г.Ш., О. Р.И., Р. Ю.В. т.к. судом первой инстанции были нарушены положения п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, выразившиеся в следующем: в ходе предварительного расследования защитник – адвокат К. А.В. оказывал юридическую помощь обвиняемому Л. Р.Д. (дело в отношении него выделено в отдельное производство), интересы которого противоречат интересам обвиняемого Р. Ю.В., поскольку тот давал изобличающие последнего показания [6, с. 20]. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия отменила приговор Пролетарского районного суда Республики Мордовия в отношении Г. и Ю. На стадии предварительного слушания интересы подсудимого Ю. защищал адвокат Т. На стадии судебного разбирательства этот же адвокат Т. защищал интересы подсудимого Г. На момент допуска адвоката Т. для защиты интересов подсудимого Г. противоречий в его показаниях и показаниях подсудимого Ю. не имелось, и суд допустил данного адвоката в качестве защитника подсудимого Г. Однако после допроса в судебном заседании подсудимого Ю. возникли противоречия между показаниями подсудимых: Г. вину признавал в полном объеме, а Ю. – частично, фактически отрицая свою причастность к совершению преступления. Таким образом, интересы подсудимых стали противоречить друг другу. Однако, при наличии обстоятельств, исключающих участие защитника в производстве по уголовному делу, суд первой инстанции продолжил рассмотрение дела с участием адвоката Т., хотя при таких обстоятельствах данный адвокат подлежал отводу [7, с. 20-21].

В отличие от п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, применение которых ограничено рамками одного уголовного дела, положения анализируемого п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ не ограничены рамками одного уголовного дела и даже вида судопроизводства. Запрет защитнику на оказание юридической помощи при конфликте интересов доверителей установлен независимо от времени, прошедшего с момента ее оказания одному из доверителей, независимо от того, в чем выражалась юридическая помощь (например, консультация), в каком виде судопроизводства она оказывалась (уголовном, гражданском, административном...). Защитник в любом случае не должен действовать против интересов бывшего доверителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 07.03.2017 г.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Мухудинова Н. Р. Обеспечение конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном процессе: монография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 188 с.
3. Таран А. С. Обстоятельства, исключающие участие адвоката в уголовном процессе: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 192 с.
4. Постановление президиума Нижегородского областного суда №44ку-19/2014 от 26.03.2014 г. // Обзор судебной практики по уголовным делам Президиума Нижегородского областного суда за первый квартал 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsudnn.ru/index.php/obzory-sudebnoj-praktiki/1002-obzor-sudebnoj-praktiki-nizhegorodskogo-oblastnogo-suda-za-pervoe-polugodie-2010g-po-grazhdanskim-delam-2>.
5. См., например: Постановление № 22-14 от 11.01.2016 г. судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия // Обзор судебной практики по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия за I полугодие 2016 года // Бюллетень Верховного суда Республики Мордовия. – 2016. – № 31. – С. 8–23.
6. Определение № 22-1538 от 23.09.2015 г. судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия // Обзор судебной практики по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия за второе полугодие 2015 года // Бюллетень Верховного суда Республики Мордовия. – 2016. – № 30. – С. 7–24.

7. Определение № 22-42/10 судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия // Обзор судебной практики Верховного суда Республики Мордовия по уголовным делам (1-ое полугодие 2010 года) // Бюллетень Верховного суда Республики Мордовия. – 2010. – № 19. – С. 8–26.

ГОРИНА М. В., ТРУНИНА Е. В.

**РОЛЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РФ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Аннотация. В статье рассматривается роль таможенных органов РФ в обеспечении экономической безопасности страны с учетом изменяющейся политической и экономической обстановки в Российской Федерации. Особо пристальное внимание уделяется проблемам борьбы с административными правонарушениями и преступлениями, отнесенными к компетенции таможенных органов.

Ключевые слова: экономическая безопасность, внешнеэкономическая деятельность, таможенные органы, таможенное регулирование, правонарушение, экономическая интеграция.

GORINA M. V., TRUNINA E. V.

**THE ROLE OF CUSTOMS AUTHORITIES IN ENSURING ECONOMIC
SECURITY OF RUSSIA AT THE PRESENT STAGE**

Abstract. The article considers the role of customs in ensuring the economic security of the Russian Federation, taking into account the changing political and economic environment. The study focuses on the problems of struggling against administrative offences and crimes under the jurisdiction of the customs authorities.

Keywords: economic security, foreign economic activity, customs authorities, customs regulation, crime, economic integration.

Вступление России в ВТО, отмена таможенного контроля на внутренних границах государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) обострила проблему обеспечения экономической безопасности страны, которая приобретает все большую актуальность. В Российской Федерации данной проблеме уделяется пристальное внимание, о чем свидетельствует утвержденная указом Президента Российской Федерации Стратегия национальной безопасности до 2020 г. [1]. Специалистами экономическая безопасность рассматривается как создаваемые государством условия, гарантирующие недопущение нанесения хозяйству страны непоправимого ущерба от внутренних и внешних угроз [2].

За последние десятилетия во внешнеэкономической деятельности России произошли кардинальные изменения, отражающие общемировые тенденции, связанные с глобализацией мировой экономики, активным развитием международных таможенных отношений [3]. Между тем криминализация внешнеэкономической деятельности продолжает оставаться негативным фактором, несущим в себе значительную угрозу национальной безопасности

государства. Негативное влияние на обеспечение надежной защиты и охраны государственной границы Российской Федерации оказывает недостаточный уровень развития пограничной инфраструктуры и технической оснащенности пограничных органов. Создание Таможенного союза, а затем ЕАЭС привело к отмене таможенного контроля на внутренних границах государств его участников, что создало существенную угрозу возрастания преступности на внешних границах Союза.

Как показывает анализ компетенции таможенных органов РФ, их участие в обеспечении безопасности с каждым годом усиливается, что обусловлено возникающими политическими и экономическими проблемами как внутри государства, так и на международном уровне, усилением интеграционных процессов. По критерию масштабов проявления выделяют три уровня безопасности: международный (безопасность мирового сообщества, его региональных составляющих), национальный (безопасность общества, государства, отрасли, региона страны) и частный (безопасность организации, личности). При этом таможенные органы участвуют в процессах снижения угроз на всех трех уровнях.

Функции таможенных служб в данном направлении достаточно широки и многогранны. Они участвуют в обеспечении финансовой, пограничной, экологической, продовольственной, радиационной, информационной и иных видов безопасности. Реализуя свои функции, таможенные органы могут участвовать одновременно в обеспечении нескольких видов безопасности. В этой связи отдельными специалистами обосновывается необходимость введения в научный оборот понятия «таможенная безопасность», которое предлагается признать самостоятельной структурной единицей категории «национальная безопасность» [4]. Вместе с тем защита экономической безопасности государства является одной из главных целей деятельности таможенных органов на протяжении всей истории существования таможенной службы.

Стратегией развития таможенной службы до 2020 года стратегической целью таможенной службы Российской Федерации определяется повышение уровня экономической безопасности Российской Федерации, создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в российскую экономику, полного поступления доходов в федеральный бюджет, защиты отечественных производителей, охраны объектов интеллектуальной собственности и максимального содействия внешнеторговой деятельности на основе повышения качества и результативности таможенного администрирования [5].

Таможенные органы РФ по своему административно-правовому статусу являются военизированными и правоохранительными структурами. Они осуществляют оперативно-розыскную деятельность, являются органами дознания по делам о контрабанде, об уклонении от уплаты таможенных платежей и иных преступлениях, производство по

которым отнесено к ведению таможенных органов, ведут административный процесс по делам об административных правонарушениях и привлекают лиц к административной ответственности (ст. 7 Таможенного кодекса Таможенного союза). ФТС России осуществляет функции по контролю и надзору в области таможенного дела, функции органа валютного контроля, функции по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, функции по проведению транспортного контроля в пунктах пропуска через государственную границу РФ, а также санитарно-карантинного, карантинного фитосанитарного контроля и государственного ветеринарного надзора, функции по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, отнесенных к компетенции таможенных органов РФ [6].

Утративший силу Федеральный закон от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» прямо относил таможенные органы РФ к силам обеспечения безопасности страны. Пришедший ему на смену Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» не устанавливает перечень органов государственной власти, относящихся к силам обеспечения безопасности страны, а содержит отсылочную норму. Обеспечение в пределах своей компетенции мер по защите национальной безопасности государств как основная задача (функция) таможенных органов закреплена в базовых нормативных правовых актах в сфере таможенного дела. Однако прямое нормативное отнесение таможенных органов к силам обеспечения безопасности страны отсутствует. Следует отметить, что Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» не указывает, что таможенные органы являются правоохранительными органами [7]. Указание на правоохранительный статус таможенных органов сохранилось в статье 1 Федерального закона «О службе в таможенных органах Российской Федерации» [8]. Однако данный закон имеет иной предмет регулирования, в связи с чем не может рассматриваться как нормативный правовой акт, устраняющий вышеуказанный пробел. Представляется, что указанные законодательные пробелы следует отнести к существенному недостатку определения правового статуса таможенных органов РФ [9, с.14]. Примечательно, что в отличие от России, в государствах-членах ЕАЭС статус таможенных органов как правоохранительных органов прямо закреплён либо в базовых документах по таможенному делу (Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Армения), либо в законе о правоохранительной службе (Республика Казахстан).

Борьба с таможенными правонарушениями составляет важнейшую часть деятельности таможенных органов. Возрастающее количество таможенных правонарушений продолжает оставаться негативным фактором, несущим в себе значительную угрозу национальной безопасности государства. Динамика таможенных правонарушений за

последние годы является ярким тому подтверждением (рис. 1, рис. 2). Между тем можно отметить положительную тенденцию, в частности, в 2016 году таможенными органами возбуждено дел об административных правонарушениях на 6% меньше аналогичного показателя в 2015 году.

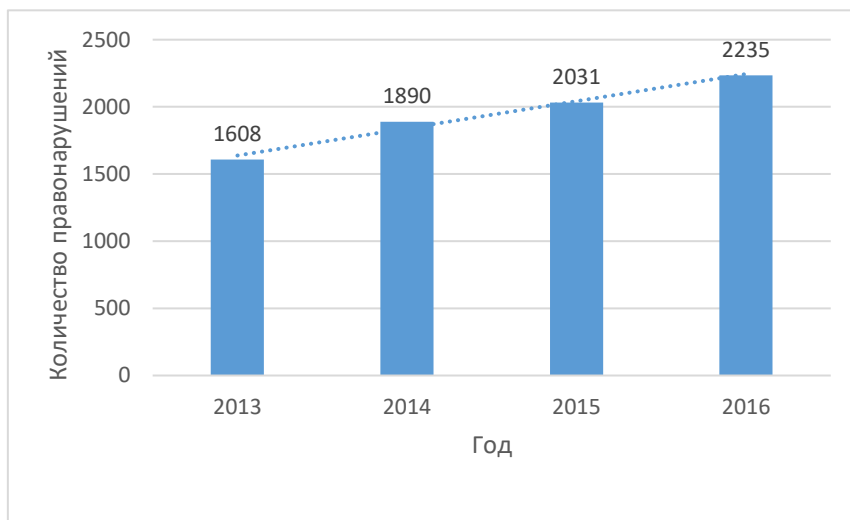

Рис. 1. Динамика количества преступлений, возбужденных таможенными органами РФ в 2013-2016 гг.

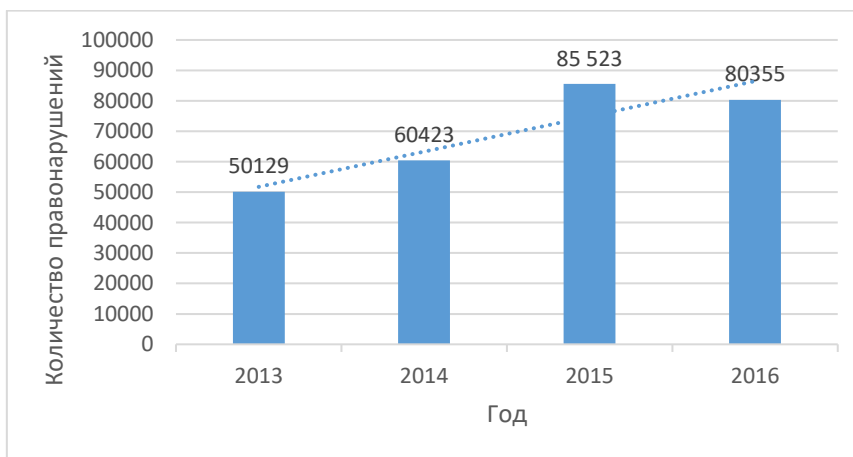

Рис. 2. Динамика количества административных правонарушений, возбужденных таможенными органами РФ в 2013-2016 гг.

Из общего количества возбужденных таможенными органами в 2016 году уголовных дел 342 дела возбуждено по статье 229.1 УК РФ (контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры) (в 2015 году – 399 дел; в 2014 году –

491 дела, 528 дел – по статье 226.1 УК РФ (контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники) (в 2015 году – 544 дел; в 2014 году – 616 дел); 32 дела – по статье 200.2 УК РФ (контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий) (в 2015 году – 25 дел; в 2014 году – 41 дело); 60 дел – по статье 200.1 УК РФ (контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов) (в 2015 году – 88 дел; 2014 году – 76 дел) , 1 дело по статье 189 УК РФ (незаконный экспорт из РФ или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники) (в 2015 году – 7 дел; в 2014 году – 9 дел) [10; 11].

Практика показывает, что наибольшее количество уголовных дел возбуждается таможенными органами по фактам контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей. Так, в 2016 году таможенными органами было возбуждено 683 дела – по статье 194 УК РФ (уклонение от уплаты таможенных платежей) (в 2015 году – 691 дел; в 2014 году – 506 дел), 168 дел – по статье 193 УК РФ (уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ) (в 2015 году – 170 дел; в 2014 году – 132 дела); 142 дела – по статье 193.1 УК РФ (перевод денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на счета нерезидентов с использованием подложных документов) (в 2015 году – 90 дел; в 2014 году – 33 дела) [11]. Динамика совершения таможенных преступлений по составам показана на рис. 3.

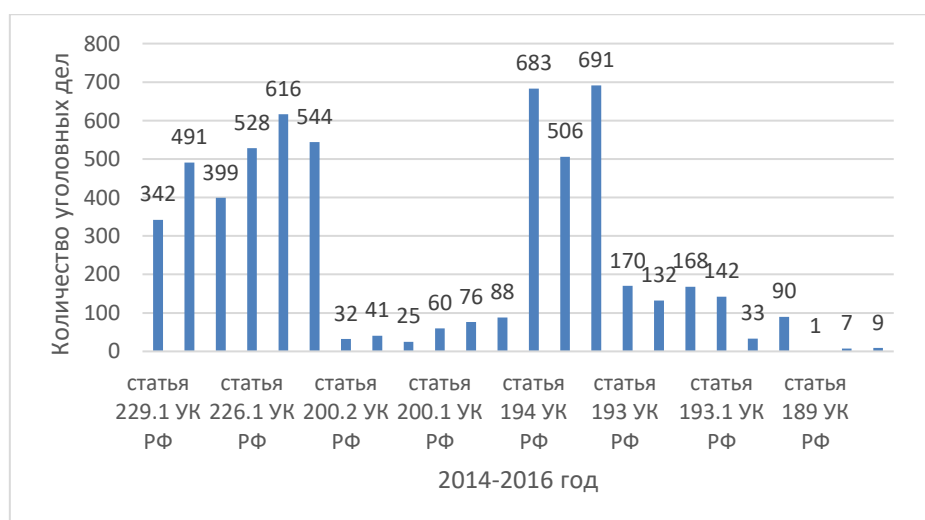

Рис. 3. Динамика таможенных преступлений по составам за 2014-2016 гг.

Приведенная статистика показывает, что рост таможенных правонарушений экономической направленности может стать первопричиной недостаточного наполнения федерального бюджета страны и невыполнения планов по сбору соответствующих платежей. Данная обстановка вполне может быть расценена как реальная угроза интересам экономической безопасности страны и требует совершенствования правоохранительной деятельности таможенных органов, проведения таможенного контроля, правовых механизмов борьбы с таможенными правонарушениями, налаживания эффективного взаимодействия с иными контролирующими органами РФ, таможенными органами государств-членов ЕАЭС [12]. При этом задача по совершенствованию правоохранительной деятельности таможенных органов в новых реалиях должна выйти за рамки внутригосударственной, требуется консолидация усилий таможенных органов всех интегрируемых государств, а также координирующая роль наднациональных органов ЕАЭС, прежде всего, Евразийской экономической комиссии. Немаловажную роль в указанном направлении играет дальнейшее совершенствование правового регулирования таможенных отношений с учетом их наднационального и национального регулирования в условиях функционирования ЕАЭС, а также эффективное включение наднациональных механизмов обеспечения правопорядка на единой таможенной территории ЕАЭС [13].

На основании вышеизложенного можно констатировать, что современные реалии диктуют необходимость концентрации усилий таможенных органов по предупреждению и выявлению таможенных правонарушений экономической направленности, тщательного анализа причин и условий их совершения, принятия соответствующих правовых, организационно-управленческих, материально-технических и финансово-экономических мер, направленных на декриминализацию внешнеэкономической деятельности в условиях функционирования ЕАЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собр. законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
2. Трунина Е. В. Таможенные органы как субъекты обеспечения безопасности государства: задачи, приоритетные направления // Современное право. – 2010. – № 4. – С. 77–82.
3. Смирнова А. А. Обеспечение экономической безопасности в сфере внешнеэкономической деятельности // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2013. – № 1. – С. 123–125.

4. Грачев О. В., Трунцевский Ю. В., Шулёпов Н. А. Организационно-правовое обеспечение таможенной безопасности Евразийского экономического союза // Международное публичное и частное право. – 2015. – № 2. – С. 19–25.
5. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 2575-р // Собр. законодательства РФ. – 2013. – № 2. – Ст. 109.
6. О Федеральной таможенной службе: Постановление Правительства РФ от 16 сентября 2013 г. № 809 (в ред. от 01.07.2016) // Собр. законодательства РФ. – 2013. – № 38. – Ст. 4823.
7. О таможенном регулировании в Российской Федерации: Федер. закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2010. – № 48. – Ст. 6252.
8. О службе в таможенных органах Российской Федерации: Федер. закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3586.
9. Трунина Е. В. Пути совершенствования административного законодательства о правовом статусе таможенных органов // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2010. – № 2 (11). – С.12–21.
10. Таможенная служба Российской Федерации в 2015 году // Справочные материалы к заседанию коллегии ФТС России. – М., 2016.
11. Результаты правоохранительной деятельности подразделений Федеральной таможенной службы за 9 месяцев 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=24211.
12. Трунина Е. В. Таможенный контроль: теория, проблемы, практика // Таможенное дело. – 2008. – № 3. – С. 37–41.
13. Трунина Е. В. Актуальные вопросы обеспечения правопорядка на единой таможенной территории Евразийского экономического союза // Глобализация и публичное право: материалы IV Международной научно-практической конференции. – М.: РУДН, 2016. – С. 231–240.

СЛАВКИНА Т. В.

**ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
«ПРАВА БЫТЬ ЗАБЫТЫМ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Рассматриваются истоки возникновения «права быть забытым». Особое внимание уделяется анализу спорных моментов, присущих закреплённому в законодательстве Российской Федерации механизму реализации «права быть забытым».

Ключевые слова: информация, «право быть забытым», персональные данные, поисковые системы, оператор поисковой системы.

SLAVKINA T. V.

**LEGAL REGULATION OF THE RIGHT TO BE FORGOTTEN
IN RUSSIAN FEDERATION: CURRENT ISSUES AND PROBLEMS**

Abstract. The origins of the right to be forgotten are studied. Special attention is paid to the controversial points of the right implementation fixed in the legislation of the Russian Federation.

Keywords: information, right to be forgotten, personal data, search system, search system operator.

В современном мире ежедневно миллионы людей пользуются сетью Интернет, которая позволяет мгновенно получать доступ к интересующим данным. Одной из проблем, которую породила подобная активность, является появление огромного количества информационных следов, оставляемых пользователями. В некоторых случаях пользователи сами оставляют свои данные в сети Интернет, но часто размещение такого рода данных происходит без их согласия. Стремительное развитие информационных технологий послужило причиной потери контроля над персональными данными. Решению данной проблемы и призвано способствовать «право быть забытым» [1, с. 20].

Впервые упоминание о данном праве появились после беспрецедентного решения Суда Европейского Союза от 13 мая 2014 г. по делу С-131/12, которое явилось результатом рассмотрения заявления гражданина Испании, Марио Костеха Гонсалеса, против корпорации Google. В 1998 г. испанская газета «La Vanguardia» опубликовала статью, в которой содержались сведения о продаже дома Гонсалеса в счет погашения долга. Данная задолженность была им погашена через 2 месяца после опубликования статьи, поэтому Гонсалес посчитал информацию о продаже дома за долги устаревшей и наносящей значительный вред его репутации. В своем иске Гонсалес отметил, что любой пользователь, который искал какие-либо сведения о нем, в первую очередь наталкивался на статью о задолженности.

Суд Европейского Союза в своем решении руководствовался положениями Директивы 95/46/ ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» и ст. 8 Хартии Европейского Союза об основных правах и обязал Google Spain удалить ссылку на статью о продаже дома за долги из результатов поисковых запросов. Однако, «право быть забытым» касается, во-первых, только удаления сведений из поисковых запросов, а не из конкретных интернет-ресурсов, их опубликовавших, и, во-вторых, сведений, которые всплывают при запросе только определенного имени и фамилии [2, с. 106-107].

Несмотря на то, что данное решение Европейского Суда вызвало многочисленные споры, большая часть стран, в том числе и Российская Федерация, поддержала идею законодательного закрепления «права быть забытым».

В июле 2015 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» от 13.07.2015 № 264-ФЗ, который начал действовать с 1 января 2016 г.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» был дополнен ст. 10.3., согласно которой оператор поисковой системы, распространяющий в сети Интернет рекламу, которая направлена на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, по требованию гражданина (физического лица) обязан прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость.

Федеральный закон устанавливает критерии, которым должно соответствовать требование заявителя о прекращении выдачи сведений, порядок направления данного требования оператору поисковой системы и последующего их взаимодействия.

Требование заявителя должно содержать следующие сведения:

- 1) фамилию, имя, отчество, паспортные данные, контактную информацию (номера телефона и (или) факса, адрес электронной почты, почтовый адрес);
- 2) информацию о заявителе, выдача ссылок на которую подлежит прекращению;

- 3) указатель страницы сайта в сети Интернет, на которой размещена информация;
- 4) основание для прекращения выдачи ссылок поисковой системой;
- 5) согласие заявителя на обработку его персональных данных.

При обнаружении каких-либо неточностей или ошибок в требовании оператор поисковой системы вправе направить заявителю уведомление об уточнении представленных им сведений.

В течение 10 рабочих дней заявитель должен устранить допущенные им неточности в требовании и направить оператору уточненные сведения.

Оператору поисковой системы дается 10 рабочих дней на то, чтобы исключить ссылки на информацию, указанную в требовании заявителем, из результатов поисковых запросов, о чем заявителю сообщается посредством направления уведомления об удовлетворении его требования или мотивированного отказа.

В отличие от европейской версии «права быть забытым», российский законодатель обратил внимание на конфиденциальность факта обращения заявителя, закрепив обязанность оператора поисковой системы не раскрывать информацию о получении требования от заинтересованного субъекта. Конфиденциальность факта обращения гарантирует реализацию права на неприкосновенность частной жизни заявителя.

Федеральный закон наделяет заявителя, считающего отказ оператора поисковой системы необоснованным, правом на обращение в суд.

Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации был дополнен ч. 6 ст. 29, предусматривающей возможность подачи заинтересованным субъектом иска о прекращении выдачи оператором поисковой системы ссылок, позволяющих получить доступ к информации в сети Интернет [3].

Таким образом, законодатель закрепляет 2 возможных способа реализации «права быть забытым»: внесудебный и судебный.

Несмотря на довольно подробную регламентацию механизма реализации «права быть забытым», представляется необходимым рассмотреть ряд присущих ему спорных моментов.

Во-первых, необоснованный критерий определения операторов поисковых систем, попадающих под действие Федерального закона: «оператор поисковой системы, распространяющий в сети Интернет рекламу, которая направлена на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации». Таким образом, оператор может и не иметь прямого намерения оказывать какие-либо услуги для граждан Российской Федерации, однако, достаточно любому рекламодателю разместить на сервисе данной поисковой системы рекламное объявление, ориентированное на российского

покупателя, и даже за такую слабую связь оператора с территорией Российской Федерации он попадает под действие вышеуказанного Федерального закона.

Во-вторых, закрепление размытых формулировок, характеризующих информацию, подлежащую удалению по требованию заявителя, способствует возникновению коллизий при реализации данной нормы в правоприменительной практике. Например, устанавливается возможность требовать удаления информации, являющейся неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя. При буквальном толковании данной формулировки удалению может подлежать абсолютно любая информация, поскольку в законодательстве не установлены объективные критерии, позволяющие разграничивать информацию на актуальную и неактуальную. Кроме того, закрепление положения об утрате значения информации для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, наоборот, подчеркивает субъективный характер данной квалификации.

В-третьих, представляется затруднительной реализация возможности определения оператором поисковой системы фактов достоверности или недостоверности информации, поскольку это требует анализа контекста использования данных сведений и целей, для которых они обрабатываются.

В-четвертых, Федеральным законом на оператора поисковой системы возлагаются правоохранительные функции, ведь он должен проверить законность распространения информации о заявителе.

В-пятых, закрепленный в действующем законодательстве механизм реализации «права быть забытым» в полной мере не обеспечивает баланс указанного права с иными фундаментальными правами, баланс частных и публичных интересов.

По мнению И. Ю. Пащенко, с появлением в российской правовой системе «права быть забытым» мы получаем на практике ограничение права человека на свободный поиск информации, закрепленного в Конституции Российской Федерации.

Внесение вышеуказанных изменений может способствовать возникновению дисбаланса между частными и общественными интересами. Например, поиск в сети Интернет информации о кандидате на выборную должность в качестве высшего должностного лица субъекта может дать неожиданный результат и последующую нежелательную для данного кандидата реакцию электората. С закреплением в действующем законодательстве «права быть забытым» кандидат может скрыть факт, что он, например, доводил возглавляемые им компании до банкротства. Вряд ли такой кандидат сможет лучше управлять целым регионом. Таким образом, вышеуказанный законодательный механизм

сокрытия сведений может способствовать распространению многочисленных злоупотреблений и мошенничеству [2, с. 112].

Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» оставляет заявителей фактически беззащитными, позволяя судам легко отклонять их исковые требования, чему способствуют расплывчатые и невнятные формулировки законодателя. Изученная нами в ходе исследования немногочисленная судебная практика это наглядно подтверждает. В результате анализа целого ряда судебных решений нами не было найдено ни одного решения, принятого в пользу субъекта, решившего воспользоваться «правом быть забытым».

Кроме того, законодатель наделяет граждан Российской Федерации «правом быть забытым» в отрыве от права на защиту персональных данных. Между тем, по нашему мнению, закрепление отсылки к законодательству о защите персональных данных позволило бы усилить контроль за неправомерным оборотом персональных данных в сети Интернет.

Необходимо отметить, что нормативно-правовое регулирование «права быть забытым» остро нуждается в дальнейшей доработке и конкретизации, поскольку все больше пользователей выражает желание удалить информацию, размещенную с их согласия или без него в сети Интернет. Однако, нельзя не прислушиваться к противникам «права быть забытым», ведь данное право не должно являться абсолютным и превалировать над свободой слова и правом на получение информации. Важнейшей задачей при реализации «права быть забытым» является соблюдение баланса между частными и публичными интересами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боташева Л. Э., Кирпа А. С. Новые тенденции в правовой охране персональных данных // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – №1(39). – С. 20–24.
2. Пащенко И. Ю. Проблемы нормативного регулирования «права быть забытым» в сети Интернет // Евразийская адвокатура. – 2016. – №3(22). – С. 106–113.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»: Федер. закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ЕМЕЛЬКИНА М. А.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЗАЛОГОВОГО ПРАВА

Аннотация. Рассматривается вопрос об отнесении залогового права к вещным правам. В этой связи залог проанализирован в соответствии с признаками и принципами ограниченных вещных прав. Обоснована целесообразность включения залога в перечень ограниченных вещных прав.

Ключевые слова: залог, залоговое право, вещные права, ограниченные вещные права, обеспечительные права, вещно-правовая природа, обязательство, способ обеспечения обязательства.

EMELKINA M. A.

RIVISITING LEGAL NATURE OF LIEN RIGHT

Abstract. The article considers referring the lien right to the proprietary rights. In this connection the lien is analyzed in accord with the features and principles of limited proprietary rights. The need of inclusion of the lien right in the list of limited proprietary rights is proved.

Keywords: lien, lien right, proprietary rights, limited proprietary rights, security rights, proprietary legal nature, obligation, means of securing obligation.

Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее – Проект), существенно расширил перечень ограниченных вещных прав. Согласно Проекту к ограниченным вещным правам относятся: право постоянного землевладения (глава 20); право застройки (глава 20.1); сервитут (глава 20.2); право личного пользования (глава 20.3); ипотека (глава 20.4); право приобретения чужой недвижимой вещи (глава 20.5); право вещной выдачи (глава 20.6); право оперативного управления (глава 20.7); право ограниченного владения земельным участком (статья 297.1).

Заметим, что исключены такие ограниченные вещные права, как право пожизненного наследуемого владения земельным участком и право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком. Очевидно, что такие изменения ограниченных вещных прав опираются на достижения цивилистической доктрины, а также опыт законодательств других стран [2, с. 50].

Но, несмотря на законодательное оформление, нельзя говорить о сложившемся едином мнении о том, какие права, помимо указанных в ст. 216 действующего ГК РФ, считать вещными. Одним из таких дискуссионных вопросов остается упоминание залога в качестве ограниченного вещного права.

Так, одни авторы утверждают, что нельзя говорить о вещно-правовой природе залоговых отношений. З. А. Ахметьянова высказывает позицию о нецелесообразном отнесении залога к числу прав вещного характера [3, с. 98]. Она утверждает, что при обычном залоге элементы вещного права отсутствуют: нет правомочий владения, пользования, распоряжения. Залогодержатель наделен лишь правом требовать продажи заложенной вещи в случае неисполнения контрагентом обязательства, обеспеченного залогом. Однако, автор делает оговорку: о вещном праве залогодержателя в отношении заложенного имущества говорить можно, если договором залога прямо предусмотрено право участника залогового правоотношения пользоваться заложенным имуществом.

Другие авторы, например, Г.Ф. Шершеневич, причисляют к вещным правам залоговое право, но с определенной оговоркой – «ввиду резкого отличия его от прав на чужую вещь» [4, с. 237]. С его точки зрения, вещный характер залогового права обнаруживается из того, что, имея своим объектом вещь, оно всюду следует за нею, независимо от права собственности на нее, которое может переходить от одного лица к другому. И. И. Зикун говорит о непосредственном характере власти залогодержателя [5, с. 160]. Залог порождает непосредственное отношение между лицом и вещью, которое проявляется в нескольких вариантах: 1) действует в отношении третьих лиц; 2) ограничивает самого собственника в праве распоряжения вещью; 3) переход права собственности по давности не уничтожает залогового права. Данные утверждения также обосновывают вещно-правовую природу залога. Суханов Е. А. относит залоговое право (в случаях, когда его объектом является вещь, а не имущественное право) к особой группе ограниченных вещных прав, обеспечивающих надлежащее исполнение обязательств [6, с. 324].

Для того, чтобы проследить вещно-правовой характер залога и отнести данное право к ограниченным вещным правам, следует проанализировать его на основе общих признаков и принципов ограниченных вещных прав.

В соответствии с Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации залогом присущие следующие свойства (признаки):

- 1) публичность (посредством его регистрации в реестре, 339.1);
- 2) свойство следования (залог следует за заложенной вещью независимо от перехода права собственности на нее, ст. 334; п. 2 ст. 346 ГК. При этом если залогом не придано свойство публичности, то он не обладает свойством следования и не предоставляет залоговому кредитору преимущественное удовлетворение своих требований перед другими кредиторами);
- 3) абсолютный характер защиты (требование от других лиц, в том числе от залогодателя, устранения нарушений права со стороны третьих лиц, ст. 347);

4) старшинство требований (очередность удовлетворения требований залогодержателей устанавливается в зависимости от момента возникновения каждого залога, ст. 342 ГК);

5) определенность (предмет залога должен быть строго определен, ст. 339 ГК, п. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 15.01.1998 г. № 26 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением арбитражными судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации о залоге» [7]);

6) может возникать в силу обстоятельств, прямо предусмотренных законом (п. 3 ст. 334 ГК).

Исходя из вышеизложенного, вполне обоснованно можно говорить о вещно-правовой природе залога. А реализация залогового права, которая ведет к утрате собственником своего права в случае обращения взыскания на заложенное имущество, характерна именно для ограниченных вещных прав.

Придерживаясь мнения о вещно-правовой природе залога следует обратиться к работам И. А. Емелькиной. Автор прослеживает историю развития залога начиная с римского права и пандектных учений, исследует и отечественное законодательство [8, с. 9; 10].

Так, категория «ограниченные вещные права» римскими юристами не упоминается, их заменяли так называемые «имущественные права пользования чужой вещью». Помимо сервитута, суперфиция, эмфитевзиса, к ним относился и залог. В римском праве было сконструировано их содержание, а также была предоставлена защита в виде специальных исков.

Огромное влияние на формирование системы вещных прав оказало Германское гражданское уложение 1896 г. В то время появилась новая тенденция в практическом применении ограниченных вещных прав – обеспечение исполнения денежных обязательств. Естественно, это реализовывалось при установлении залога и его разновидностей.

В дальнейшем, на основе пандектных учений, конструировалось право и других стран. Например, в Гражданском кодексе Швейцарии 1907 г. залог упоминается в качестве вещного обеспечительного права.

Что касается отечественного права, то вещно-правовая природа залога усматривалась в Русской Правде, в частности, в проекте Вотчинного права, в котором подчеркивался вещный, абсолютный характер залога, а также представлялось деление ограниченных вещных прав на «права на чужие вещи» и «залоговые права». Так, А. С. Наризкий, исследовавший дореволюционное право залога, указывает, что до начала XVIII в московском

государстве у залогодержателя помимо пользования и владения заложенной вещью, было и распоряжение ею [9, с.76].

В ГК РСФСР 1922 г. залог содержался в главе «Вещное право» (ст. 85-105) наряду с правом собственности и правом застройки. Среди требований к содержанию залога было указано условие об описании заложенного имущества. При этом залог мог обременять и индивидуально-определенные вещи. Но наличие залога как вещного права еще не позволяло говорить в то время о целостной системе ограниченных вещных прав и критериев деления их на группы. Позднее право залога было перенесено в сферу обязательственного права (ГК РСФСР 1964 г.).

Таким образом, основные положения о залоге, его вещно-правовая природа, имевшие место еще в римском праве, оказали значительное влияние на формирование российского залогового права. Поэтому большая часть отечественных правоведов отмечала и отмечает вещный характер залогового права, который обуславливается предпосылками, продиктованными всей историей залогового права [9].

Несмотря на то, что действующему Гражданскому кодексу РФ не известны многие из классических вещных прав, в том числе и залог как вещное право, видится обоснованным и целесообразным включение залога в перечень ограниченных вещных прав в проекте Гражданского кодекса РФ. Это позволит разрешить коллизию вещно-обязательственных элементов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/12976.html>.
2. Афанасьев И. В. К вопросу о необходимости отличительных признаков вещных прав // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2016. – № 34. – С. 47–51.
3. Ахметьянова З. А. Вещное право: учебник. – М.: Статут, 2011. – 360 с.
4. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). – М.: Статут, 2005. – 461 с.
5. Зикун И. И. Природа залогового права. Сравнительно правовой анализ // Закон. – 2014. – № 5. – С. 159–178.
6. Суханов Е. А. Право собственности и иные вещные права в России. В кн.: Основные положения права собственности. – М.: Юрист, 1999. – С. 298–383.

7. Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением арбитражными судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации о залоге: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.1998 г. № 26 [Электронный ресурс]: Режим доступа:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17626/.
8. Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок: монография. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 416 с.
9. Емелькина И. А. К дискуссии о разграничении вещных и обязательственных прав // Нотариус. – 2006. – № 2. – С.17–19.
10. Емелькина И. А. Право собственности и другие вещные права: учеб. пособие. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – 236 с.
11. Нарижный А. С. Договор залога будущей вещи. – Красноярск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр социальных и правовых технологий». – 2016. – 165 с.

ФОМИНА Е. В.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ
КОЛЛЕГИЙ СУДЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются функции, компетенции и структура квалификационных коллегий судей РФ. Исследуются взаимоотношения Высшей квалификационной коллегии судей РФ и квалификационных коллегий судей субъектов РФ. Обосновывается необходимость открытой публикации решений квалификационных коллегий судей РФ.

Ключевые слова: квалификационные коллегии судей, организация деятельности, заседания коллегии, принцип открытости, публикация решений, развитие информационных технологий.

FOMINA E. V.

**WORK ORGANIZATION OF QUALIFICATION BOARDS
OF JUDGES OF RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The article considers the functions, jurisdiction and structure of the qualification boards of judges of the Russian Federation. The author studies the relations of the Higher Qualification Board of Judges and the regional qualification boards of judges. The need of an open access to the decisions of the qualification boards of judges is proved.

Keywords: qualification board of judges, work organization, board meeting, principle of openness, publication of decisions, development of information technologies.

Квалификационные коллегии судей в России образуют свою подсистему органов судейского сообщества, которую составляет Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации и квалификационные коллегии судей субъектов Российской Федерации.

Взаимоотношения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации обусловлены тем, что квалификационные коллегии судей образуют в масштабе всей страны единую систему, федеральным центром которой стала Высшая квалификационная коллегия судей, призванная обеспечивать унификацию подходов всех коллегий к реализации полномочий и, в частности, единообразие критериев, подлежащих применению как при выдаче рекомендаций к назначению на судейские должности, так при наложении дисциплинарных взысканий на членов судейского сообщества [1].

Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации информирует квалификационные коллегии судей субъектов Российской Федерации о своей деятельности и

практике применения квалификационными коллегиями судей Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», других законов, касающихся деятельности квалификационных коллегий судей; распространяет положительный опыт работы квалификационных коллегий судей; проводит семинары и совещания с членами квалификационных коллегий судей; организует другие виды учебы членов региональных коллегий судей. Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации оказывает методическую помощь квалификационным коллегиям судей субъектов Российской Федерации, дает рекомендации, направленные на совершенствование их деятельности, и вправе высказать мнение по возникающим в их работе вопросам.

Что касается разграничения полномочий между ними, то можно отметить следующее.

В компетенцию Высшей квалификационной коллегии судей входит принятие решений в отношении судей Верховного Суда РФ, федеральных арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов и окружных (флотских) военных судов. Председатели и их заместители всех федеральных (кроме районных) судов подпадают под компетенцию Высшей квалификационной коллегии судей РФ.

Квалификационные коллегии судей субъектов Российской Федерации принимают решения в отношении верховных судов республик, краевых, областных и равных им судов; арбитражных судов субъектов РФ; мировых судей, судей районных судов, гарнизонных военных судов, действующих на территории соответствующего субъекта РФ, а в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами субъектов РФ, – в отношении судей конституционных (уставных) судов субъектов Федерации.

Организацию и порядок работы квалификационных коллегий судей определяет Закон об органах судейского сообщества [2] и Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей [3]. Квалификационная коллегия судей правомочна осуществлять свои полномочия, если общее число избранных и назначенных членов коллегии составляет не менее двух третей от установленного федеральным законом количества, независимо от численного представительства в ее составе судей, представителей общественности и представителя Президента Российской Федерации.

Руководит работой квалификационной коллегии председатель. Председатель квалификационной коллегии судей имеет весьма широкие полномочия в области организации работы коллегии, формирования повестки заседаний, председательствования на заседаниях и представительства коллегии, распределения поручений и др.

Закон предусматривает наличие заместителей председателя квалификационной коллегии судей. В квалификационной коллегии судей, формируемой в количестве 11 членов

коллегии, избирается один заместитель председателя квалификационной коллегии судей. В квалификационной коллегии судей, формируемой в количестве 21 члена коллегии, избираются два заместителя председателя квалификационной коллегии судей. В Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации избираются три заместителя председателя.

В Высшей квалификационной коллегии судей РФ создается президиум, который состоит из председателя и трех его заместителей, избираемых коллегией из числа ее членов. Президиум Высшей квалификационной коллегии судей является рабочим органом этой коллегии, ей подотчетен и образуется для оперативного решения вопросов, связанных с организацией работы коллегии.

Как правило, заседания квалификационных коллегий судей происходят 1 раз в месяц.

Одним из важнейших принципов деятельности квалификационных коллегий судей является принцип гласности и открытости. Принцип гласности позволяет обеспечивать общественный контроль за деятельностью органов, участвующих в назначении судей и привлечении их к дисциплинарной ответственности, что в свою очередь, можно считать институциональной гарантией независимости и самостоятельности судебной власти в целом и транспарентности [4, с. 564-568] судебной власти как одного из принципов ее деятельности. Закрытость судебной системы, в том числе и о процедурах назначения судей, согласно социологическим исследованиям, негативно сказывается на уровне доверия граждан к органам судебной власти [5].

Заседание квалификационной коллегии судей проводится, как правило, открыто. Закрытое заседание проводится в случае необходимости сохранения государственной тайны, в целях защиты прав и охраняемых законом интересов граждан, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами. Закрытое заседание (полностью или частично) может быть проведено также по ходатайству судьи, в отношении которого рассматривается представление либо обращение, а также по мотивированному ходатайству Председателя Следственного комитета РФ или его представителя. Закрытое заседание проводится по решению квалификационной коллегии судей, если за проведение такого заседания проголосовало более половины членов квалификационной коллегии судей, участвующих в заседании.

В апреле 2006 года Высшая квалификационная коллегия судей создала интернет-портал квалификационных коллегий судей и направила всем коллегиям рекомендации по созданию и сопровождению сайтов. Предполагалось, что каждая коллегия назначит из своих рядов ответственного за работу сайта, который будет четко контролировать наполнение сайта, оперативность и обоснованность всей информации на сайте. Однако анализ сайтов

квалификационных коллегий субъектов Российской Федерации показал, что информационное обеспечение разное, как и своевременность изменения информации.

Сайты большинства квалификационных коллегий судей имеют только минимум информации о своей деятельности. На сайтах часто не представлена информация о решениях, принятых квалификационными коллегиями судей, либо это отдельные решения (как правило, за последний год работы), отсутствует информация по анализу деятельности квалификационных коллегий судей, статистические данные о работе квалификационных коллегий судей. Отметим неинформативность сайтов квалификационных коллегий судей для лиц, которые претендуют на занятие должности судьи. В этой связи следует принять меры по реорганизации работы интернет-сайтов квалификационных коллегий судей с целью обеспечения гласности, прозрачности и доступности работы коллегий судей.

В 2002 году Высшая квалификационная коллегия судей стала издавать «Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации» (далее – «Вестник»). Приобретя статус официального издания Высшей квалификационной коллегии судей, «Вестник» решает важные задачи информирования судебной системы и судейского сообщества о работе коллегий, оказания методической помощи коллегиям в осуществлении полномочий. Однако материалы «Вестника» недоступны на сайте Высшей квалификационной коллегии, имеется лишь информация о содержании номеров. Считаем, что в целях обеспечения принципов гласности и открытости информации о деятельности квалификационных коллегий судей Высшая квалификационная коллегия судей РФ должна публиковать материалы «Вестника» в открытом доступе.

Вместе с тем актуальным и неразрешенным остался вопрос, каким образом размещать решения квалификационных коллегий судей в сети Интернет, если в каждом решении есть сведения о персональных данных. Высшая квалификационная коллегия судей рекомендует публиковать решения в сети Интернет.

Считаем необходимым публикацию решений квалификационных коллегий судей с учетом требований законодательства о защите персональных данных. Например, решения Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ публикуются без указания названий судов.

В то же время вопрос о работе квалификационных коллегий судей в России сегодня привлекает пристальное внимание. Вопросы, которые рассматривает Высшая квалификационная коллегия судей РФ, публикуются в юридических СМИ, в том числе электронных (Право.ру, Закон.ру, РАПСИ, LegalReport и др.).

Развитие информационных технологий, внедрение в систему осуществления правосудия электронного документооборота требует совершенствования в этом направлении работы квалификационных коллегий судей. Внедрение системы электронного

документооборота и управления в рамках развития «электронного государства» позволило бы повысить эффективность работы данных коллегий. Таким может стать введение системы подачи электронных документов для претендентов на должность судьи, доступ к базам МВД и других государственных органов, что упростило бы проверку, осуществляемую квалификационными коллегиями. Современные информационные и коммуникационные технологии играют главную роль в предоставлении информации судьям, адвокатам и другим участникам судебного процесса, а также широкой публике и средствам массовой информации [6].

Организационная функция квалификационных коллегий имеет достаточно широкий спектр действия. В рамках осуществления этой функции Высшая квалификационная коллегия судей РФ имеет ряд полномочий:

- полномочия по внутренней самоорганизации,
- информационные полномочия (взаимодействие с институтами гражданского общества, информирование граждан о своей деятельности и т.п.).
- полномочия Высшей квалификационной коллегии судей по организации системы квалификационных коллегий:
 - утверждение положения о порядке работы квалификационных коллегий судей;
 - рассмотрение вопросов, отнесенных к компетенции квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации, в случае невозможности их разрешения этими коллегиями;
 - ознакомление с работой квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации, заслушивание сообщений их председателей о проделанной работе и дача рекомендаций, направленных на совершенствование деятельности указанных коллегий;
 - рассмотрение жалоб на решения квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации;
 - изучение и обобщение практики работы квалификационных коллегий судей, организация учебы членов этих коллегий.

Сомнительным выглядит, прежде всего, полномочие Высшей квалификационной коллегии судей РФ утверждать положение о порядке работы квалификационных коллегий судей, в том числе и в отношении самой себя.

Более того, правовая природа положения о порядке работы квалификационных коллегий судей в настоящее время не установлена.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Система квалификационных коллегий судей в России отражает федеративный характер Российской Федерации и способствует эффективной реализации коллегиями своих

полномочий. Учитывая наличие у квалификационных коллегий судей государственно-властных полномочий, необходимо порядок рассмотрения дел при решении вопросов, отнесенных к компетенции квалификационных коллегий, закрепить законодательно (в Федеральном законе «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»).

Провозглашенный открытый характер работы квалификационных коллегий должен способствовать взаимодействию коллегий с институтами гражданского общества и повышать доверие граждан к судебной системе, однако в этом направлении предстоит еще большая работа. Проведенный автором мониторинг интернет-сайтов квалификационных коллегий судей показал, что на них содержится устаревшая информация, отсутствует информация по некоторым разделам; решения квалификационных коллегий судей, в отличие от решений судов, недоступны. Следует принять действенные меры по улучшению доступности и открытости работы квалификационных коллегий судей Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мусин В. А. Первая среди равных. О взаимоотношениях Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и квалификационных коллегий судей субъектов РФ // Квалификационные коллегии судей: вчера, сегодня, завтра: сборник статей. – М.: Высшая квалификационная коллегия судей РФ, 2012. – С. 87–102.
2. Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ (ред. от 02.06.2016 г.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой природы «КонсультантПлюс».
3. Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей: утв. Высшей квалификационной коллегией судей РФ 22 марта 2007 г. (ред. от 19.05.2016 г.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой природы «КонсультантПлюс».
4. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. – М.: Мысль, 2012. – 584 с.
5. Сатаров Г. А., Римский В. Л., Благовещенский Ю. Н. Социологическое исследование российской судебной власти. – СПб.: Норма, 2010. – 536 с.
6. Заключение №14(2011) Консультативного совета европейских судей «Правосудие и информационные технологии» (CCJE(2011)2) от 09.11.2011 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание. – 2014. – ноябрь. – №9 (09). – С. 120–125 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://files.sudrf.ru/2176/norm_akt/doc20141128-084338.pdf.

КВИТОВА К. С., ЯВОРСКАЯ С. А.

**СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ
УПРАВЛЯЮЩИХ КОМПАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)**

Аннотация. Проводится анализ причин финансовой несостоятельности (убыточности) деятельности управляющих компаний в сфере жилищно-коммунального хозяйства, которые кроются как в управленческих решениях и чистых рисках производственной деятельности, так и в несовершенстве действующего жилищного законодательства.

Ключевые слова: жилищно-коммунальная сфера, управляющая компания, дебиторская задолженность, банкротство управляющей компании.

KVITOVA K. S., YAVORSKAYA S. A.

**SOLUTIONS TO THE INSOLVENCY PROBLEM OF MANAGEMENT COMPANIES:
A STUDY OF REPUBLIC OF MORDOVIA**

Abstract. The article presents an analysis of the causes of insolvency of management companies in the housing and utilities sector. The analysis shows that the insolvency problem is rooted both in the management decisions and the imperfection of the housing law.

Keywords: housing and communal services, managing company, accounts receivable, bankruptcy of management company.

В современной России проблема убыточности управляющих компаний, осуществляющих управление многоквартирными жилыми домами, заслуживает особого внимания и является одной из наиболее острых проблем отрасли жилищно-коммунального хозяйства.

В настоящее время более 82% многоквартирных домов в стране обслуживаются управляющими компаниями. И деятельность управляющей организации по управлению многоквартирным домом в Российской Федерации есть не что иное, как бизнес, основополагающим мотивом которого является получение прибыли. Но, к сожалению, сегодня деятельность 1/3 всех управляющих организаций убыточна.

Среди основных причин неплатежеспособности управляющей компании, ведущих непосредственно к несостоятельности (банкротству) организации, ученые выделяют следующие:

- 1) обострение рисков в деятельности УК МКД и их неблагоприятные финансовые последствия;
- 2) ужесточение конкуренции в этом сегменте рынка;

3) финансовые злоупотребления руководящих работников УК МКД [2, с. 404].

Для анализа проблемы убыточности и неплатежеспособности управляющей компании следует рассмотреть данный вопрос на примере одного из регионов Российской Федерации. Так, в Республике Мордовия на сегодняшний день обслуживают и управляют жилым фондом 56 – управляющих компаний, 43 – товарищества собственников жилья, всего – 100 организаций. Более половины управляющих компаний республики, осуществляющие деятельность по управлению и содержанию многоквартирных домов, убыточны. Только за тепловую энергию перед теплоснабжающей организацией – филиал «Мордовский» ПАО «Т Плюс» – общая задолженность городских управляющих компаний Саранска по состоянию на сентябрь 2017 года превышает 748 млн. рублей [3].

В результате образования задолженности перед поставщиками и невозможности взыскания дебиторской задолженности с населения компания оказывается неспособна к продолжению ведения хозяйственной деятельности, не в силах оплачивать накопленные долговые обязательства, т.е. является неплатежеспособной, при этом капитал компании практически исчерпан, и организация проходит процедуру банкротства. По данным официального источника Российской Газеты «Коммерсантъ», в котором публикуются сведения о банкротствах, в Республике за период с 2015 г. по 2017 г. банкротами признаны 6 управляющих компаний.

Банкротство управляющих компаний в масштабах России имеет массовый характер. Разумеется, что некоторыми управляющими компаниями преднамеренно создаются условия, препятствующие нормальному процессу гашения долговых обязательств, либо управляющая компания терпит экономический ущерб по причине некомпетентного хозяйственного управления.

Зачастую это происходит так: руководство управляющей компании при ухудшении финансового состояния и платежеспособности одной организации регистрируют аналогичное предприятие (порой созвучное по наименованию), от имени которого заключает новые договоры на обслуживание тех же домов. А с целью избежать выполнения обязательств перед налоговой службой и ресурсоснабжающими организациями, руководитель обращается в Арбитражный суд с заявлением о признании первой организации несостоятельным банкротом.

Подобная практика существует и в Республике Мордовия, однако, факты преднамеренного банкротства управляющих компаний не всегда выявляются органами прокурорского надзора. Поэтому, избавившись от груза кредиторской задолженности, управляющая компания начинает «накопление» новых долгов, поскольку механизмы руководства и способы работы с должниками остаются прежними. Более того, дебиторская

задолженность населения за коммунальные и жилищные услуги «забывается», поскольку не подлежит взысканию новой управляющей компанией.

Основной причиной финансовой неэффективности деятельности управляющих организаций республики выступает неспособность данных компаний решить проблемы убыточности, основными из которых являются:

- 1) довольно низкая собираемость платежей населения за предоставленные коммунальные и жилищные услуги;
- 2) высокая себестоимость коммунальных ресурсов, покупаемых у поставщиков.

Высокая дебиторская задолженность населения за предоставляемые коммунальные и жилищные услуги неизбежно влечет образование задолженности у управляющей компании перед ресурсоснабжающими организациями.

Если до того, как Жилищный кодекс РФ вступил в силу, все риски по отсутствию платежей несли компании, поставляющие ресурсы, то на данный момент все эти риски лежат на управляющих компаниях. Кроме того, на плечах управляющей компании лежит обязанность оплаты сверхнормативного потребления услуг собственниками (нанимателями) помещений в многоквартирном жилом доме.

Разница в способах начисления платы за потребленные коммунальные услуги, применяемые управляющей компанией при выставлении счетов на оплату собственникам и ресурсоснабжающими организациями, выставяющими счета на оплату управляющим компаниям за приобретенные ресурсы, влечет ежемесячное увеличение суммы кредиторской задолженности управляющей компании.

Тарифы, как правило, не пересматриваются, собственники продолжают оплачивать потребленное тепло по заниженным нормативам, что также приводит к образованию дебиторской задолженности управляющей компании, ведь разница между фактически потребленным теплом и оплаченным по тарифу также ложится на ее плечи.

В нынешней практике оплата за услуги ЖКХ поступает непосредственно на расчетные счета поставщиков ресурсов. В свою очередь, управляющей компании приходится самой оплачивать услуги по начислению и сбору денежных средств. Возникает интересная ситуация, когда ни собственники, оплачивая услуги ЖКХ, ни поставщики ресурсов, принимая оплату, не несут дополнительных расходов на агентское вознаграждение.

Нельзя не отметить, что при образовании задолженности управляющей компании поставщик производит взыскание образовавшейся задолженности в судебном порядке, что только увеличивает размер задолженности, добавляя к ней судебные расходы, расходы на оплату государственной пошлины, неустойку за несвоевременную оплату задолженности, и, даже проценты за пользование чужими денежными средствами.

Однако многие управляющие организации используют транзитные счета, посредством которых платежи, предназначенные для ресурсоснабжающих организаций, перечисляются им в полном объеме и не «оседают» на счетах управляющей организации. Но, к сожалению, выставляемые ресурсоснабжающими организациями суммы платежей равны стоимости поставленного в многоквартирные дома ресурса за определенный период времени и не учитывают коэффициент собираемости.

Сложившийся и практически устойчивый коэффициент несобираемости дебиторской задолженности будет присутствовать в любом случае, в связи с чем очень важна его величина. Но, как бы то ни было, управляющая организация, получая счет-фактуры на полную стоимость поставленного ресурса, не совершая никаких противоправных действий, оказывается в так называемой «ловушке ликвидности», что и приводит ее в состояние неплатежеспособности. Виной этому являются неплательщики. Конечно, управляющие организации обязаны вести и ведут борьбу с должниками, но, к сожалению, на практике это не всегда приносит желаемые результаты [1, с. 214].

Некоммерческий характер договоров управляющей компании с потребителями услуг влечет отсутствие в Договорах мер ответственности за неплатежи населения. Управляющая компания вынужденно содержит огромный штат юристов, оплачивает услуги агентств по взысканию долгов, производит оплату судебных государственных пошлин, но при всем этом взыскание задолженностей остается малоэффективной процедурой.

Исходя из анализа причин неплатежеспособности управляющих компаний авторами сформулирован ряд предложений по решению указанной проблемы:

1) прямые расчеты за ресурсы – это единственная мера, которая обезопасит собственников помещений в многоквартирных домах от злоупотреблений со стороны недобросовестных управляющих компаний. Опыт других регионов, в числе которых Нижний Новгород, Самара, Пенза, показывают, что в домах, где жители перешли на прямые платежи, увеличивается собираемость и снижается уровень социальной напряженности. Как следствие, доверие населения к прямым платежам постоянно растет.

Теплоснабжающая организация – филиал «Мордовский» ПАО «Т Плюс» уже уведомил Городские управляющие компании и ООО УК «Дом управления № 45», о расторжении с 1 сентября 2017 года действующих договоров теплоснабжения и горячего водоснабжения и переходе на прямые расчеты. Это первый шаг к повышению собираемости платежей за потребляемые коммунальные ресурсы и решению проблемы накопления кредиторской задолженности в Республике Мордовия.

2) совершенствование организационной структуры. Большинство управляющих организаций придерживается формального типа организационной структуры, обеспечивающей предоставление традиционных жилищно-коммунальных услуг.

В организационной структуре формального типа документально определена строгая иерархия власти, полномочия руководителей всех уровней, круг прав и обязанностей каждого из них. Необходимо применение новых методов работы и управления.

3) управляющие компании предлагают свои услуги публично, здесь имеет место oferta, нередко возникают ситуации, когда какой-либо дом хочет заключить договор с организацией, а у нее даже нет возможности отказаться от обслуживания многоквартирного жилого дома с большим количеством неплательщиков. Здесь необходимо создать исключение из правил действия публичного договора, поскольку обязательность заключения такого договора является нарушением интересов управляющей компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Квитова К. С., Яворская С. А. Проблема платежеспособности управляющих организаций ЖКХ // XIII Державинские чтения в Республике Мордовия: Материалы Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. 21 апреля 2017 г. – Саранск: ЮрЭксПрактик, 2017. – С. 213–215.
2. Скибин А. И. Недопущение банкротства управляющих компаний // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Социально-гуманитарные и экономические науки. – Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, 2017. – С. 303–306.
3. Теплоэнергетики Мордовии переходят на прямые расчеты с потребителями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mordovia.esplus.ru/company/news/?id_4=5504.

ЯВОРСКАЯ С. А., БАРАНОВ М. М.

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА
ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы нормативно-правового регулирования различных аспектов, связанных с капитальным ремонтом многоквартирных домов. В этой связи проведен анализ проблемы экономической необусловленности взносов за капитальный ремонт, проблемы оплаты взносов за жилищный фонд, принадлежащий государству и муниципальным властям, а также проблемы создания и функционирования специального счета капитального ремонта.

Ключевые слова: капитальный ремонт, управляющая компания, жилищный фонд.

YAVORSKAYA S. A., BARANOV M. M.

**LEGAL REGULATION OF CAPITAL REPAIR
OF COMMON PROPERTY IN APARTMENT BUILDINGS**

Abstract. The article considers some issues of legal regulation of capital repair of apartment buildings. The authors analyze the problem of economic inexpediency of capital repair fees, the problem of collecting such fees for apartments owned by the state and municipal authorities as well as the problem of opening and functioning of the bank account for capital repairs.

Keywords: capital repair, management company, housing fund.

Федеральный закон РФ от 25.12.2012 г. № 271-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ» (далее – Закон № 271-ФЗ) принято называть законом о капитальном ремонте. До его вступления в силу капитальный ремонт многоквартирных домов помогал проводить фонд ЖКХ. Теперь фонд будет спонсировать только переселение граждан из ветхого и аварийного жилья. После вступления в силу Закона № 271-ФЗ за капитальный ремонт стали платить собственники жилплощади в многоквартирных домах. При этом, несмотря на то, что Закон № 271-ФЗ был принят в 2012 году, в 2017 году сфера нормативно-правового регулирования данного вопроса является одним большим пробелом правовой системы.

Во-первых, до сих пор возникают вопросы о том, как государство могло увеличить целевой налог на недвижимость, из которого ранее и формировался фонд ЖКХ, привязав его к кадастровой стоимости уйдя от инвентаризационной. И при этом сделать его нецелевым с возможностью распределения доходов на необходимые нужды государства.

Вопрос о том, что взносы на капитальный ремонт можно не оплачивать, не является частью правовой дискуссии после вынесения постановления Конституционного Суда РФ от 12.04.2016 г., признавшего систему формирования фонда капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов законной. Но остаются вопросы, касающиеся организации формирования фонда капитального ремонта, функционирования региональных операторов, а также вопросы самого качества капитального ремонта и многие другие.

Во-вторых, согласно ст. 169 ЖК РФ собственники помещений в многоквартирном доме обязаны уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Однако с 2012 года до сих пор не урегулирован вопрос оплаты взносов за капитальный ремонт по квартирам, в которых живут люди по договору социального найма, не несущие бремя уплаты взносов на капитальный ремонт как наниматели. Наниматели не являются собственниками. Собственниками таких жилых помещений, как правило, являются муниципальные или региональные власти. Однако, если посмотреть структуру бюджета любого из субъектов РФ, нигде не указано такой расходной статьи, как оплата капитального ремонта за принадлежащие субъекту на праве собственности жилые помещения.

Согласно данным Росстата структура жилищного фонда в России представлена следующим образом: 90,3% – частная собственность, 5,7% – муниципальная собственность, 3,2% – государственная собственность [1]. Эти данные приведены на конец 2015 года, но поскольку более новые данные Росстатом не предоставлены, будем оперировать ими. Предположим, что, следуя динамике 2014-2015 года, в 2016 году доля муниципальной и государственной собственности уменьшилась на 1%. Получается, что 7% жилищного фонда страны принадлежит властям.

На официальном сайте Министерства ЖКХ Республики Мордовия опубликованы данные о жилищном фонде, без его структуры. Так, на конец 2017 года жилищный фонд Мордовии – 9 796 595 кв. м. [2]. Согласно выявленным нами ранее данным можно рассчитать, что из этой площади властям принадлежит 682 961 кв. м. Минимальный размер взносов на капитальный ремонт в Республике Мордовия на 2017 года составляет 7 рублей 63 копейки за один квадратный метр. То есть из муниципального бюджета и республиканского бюджета в Фонд капитального ремонта должны быть перечислены каждый месяц в 2017 году по 5 210 997 рублей, а за год – 62 531 964 рубля.

Но для бюджетов различных уровней, как мы уже отметили ранее, не предусмотрено такой статьи расходов. Получается ситуация дискриминации прав граждан-собственников, которые из-за существенного правового пробела вынуждены не только оплачивать расходы на капитальный ремонт, помимо увеличившегося налога на недвижимое имущество, но еще и

платить его за других. Общедомовое имущество является общим, исходя из его определения, и все собственники, в том числе и государство, обязаны в равной доле обеспечивать его содержание, в том числе и капитальный ремонт. Вместо этого государство докладывает государственные средства в Фонд капитального ремонта, преподнося это как заботу о гражданах, а не как покрытие дыры от неуплаты взносов по капитальному ремонту, которое создает само государство.

Помимо этого, в соответствии со ст. 16 закона РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», на момент приватизации жилого помещения обязанность наймодателя по договору социального найма по капитальному ремонту жилого дома должна быть выполнена в полном объеме. То есть, фактически, наймодатель (собственник жилого помещения на момент его приватизации) сохранил до настоящего времени свои обязанности по проведению капитального ремонта за свой счет в отношении всех многоквартирных домов, капитальный ремонт которым требовался на момент приватизации. Ранее упомянутое постановление Конституционного Суда РФ № 10-П содержит указание на необходимость разработки правового механизма внесения соответствующих взносов при подобных ситуациях [3, с. 93].

В-третьих, проблема правового закрепления процедуры создания и формирования специального счета капитального ремонта. Если другие проблемы вытекают из, на наш взгляд, намеренных пробелов в законодательстве, то данная проблема является более комплексной и многоаспектной.

Общей для сегодняшних реалий является проблема низкого правосознания населения. Многие граждане даже не знают о возможности создания таких счетов, что является значительным упущением жилищной политики РФ и просветительной деятельности государства. Многие проблемы, которые отмечаются другими исследователями, касающиеся проблемы страхования такого счета, в случае лишения кредитной организации лицензии и прочее, являются надуманными. Выбор сомнительной организации для размещения средств – это слишком опрометчивый шаг, на который может пойти один человек, но не все члены ТСЖ. Выбрать банк из первой 10-ки и аккумулировать средства там эффективнее, чем держать деньги в «общем котле».

Проблемой, на наш взгляд, является то, что в таких домах могут проживать лица по договору социального найма, а также, например, 2-3 собственника, несогласных платить больше на собственный специальный счет капитального ремонта для того, чтобы сделать более комфортабельным свой дом. Образуется сложная ситуация, когда группа людей зависит от мнения меньшинства и должна поступиться своими интересами в угоду им, либо оплачивать взносы за себя, не взирая на остальных, что крайне нарушает межличностные

отношения. Помимо этого, в действующих нормативно-правовых актах не раскрываются и вопросы учета средств, поступающих на специальный счет фонда капитального ремонта, вопросы взыскания задолженности по оплате взносов, установления неустойки (пени) и ее размера при уклонении собственников жилья от обязанности по внесению взносов на капитальный ремонт.

Проблема заключается в том, что такой порядок может окончательно разрушить социум, потому что, если на специальный счет отказываются платить собственники, председатель ТСЖ будет вынужден обращаться в суд, тратить деньги с лицевого счета для того, чтобы обязать должников платить на специальный счет капитального ремонта. Такая ситуация, на наш взгляд, является недопустимой, и многие во избежание этого обращаются к своим управляющим компаниям, чтобы счет открывала они. Тогда возможно избежать таких проблем, однако, возникают новые. Деньги на счете должны аккумулироваться в течении 15-20 лет, так как капитальный ремонт – это дело отдаленной перспективы, а в связи с убыточностью и многочисленными банкротствами управляющих компаний, такая практика является крайне опасной, и это необходимо подробно разъяснять гражданам.

Жилищный фонд необходимо обновлять и содержать в надлежащем состоянии. На наш взгляд, средства с налога на недвижимое имущество должны расходоваться на проведение капитального ремонта и прочих работ по содержанию дома, но поскольку государство уже с 2012 года утвердило новое обременение для граждан, необходимо тогда развивать эту систему. Проблему обновления жилищного фонда можно решить, в том числе и благодаря системе капитального ремонта, но только при условии ее максимальной открытости и понятности гражданам-собственникам жилых помещений. В обязательном порядке должны быть решены нормативно выявленные проблемы.

Таким образом, на сегодняшний день нормативно-правовая база по капитальному ремонту многоквартирных домов является сырой и содержит множество пробелов, даже Постановление Конституционного Суда РФ № 10-П не решило в должной мере все проблемы. Это еще раз подтверждает тот факт, что взносы на капитальный ремонт – это не необходимые средства, требуемые от граждан для надлежащего содержания своего имущества, а обременение граждан с целью избавить государство от расходов, на которые национальный бюджет сегодня не может досчитаться средств. В долгосрочной перспективе взносы на капитальный ремонт необходимо упразднить, однако, до этого момента, поскольку такое возможно в условиях развитой экономики, считаем необходимым привести к исполнению те положения, которые четко прописаны в рассматриваемом ранее Постановлении Конституционного Суда РФ № 10-П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жилищное хозяйство в России. Официальное издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/jil-hoz16.pdf.
2. Жилой фонд в Мордовии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dom.mingkh.ru/mordoviya/>.
3. Усольцева Н. А. Капитальный ремонт общего имущества многоквартирных домов: проблемы правового регулирования // Вестник Сургутского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 92–94.